

ВИКА ЛУКЬЯНОВА

ОМОЕТСЯ
ЛАТУНЬЮ
ВДОВЬЕ
СЕРДЦЕ

18+

Вика Лукьянова

Омоется латуною

вдовье сердце

<https://litres.ru/74230518>

SelfPub; 2026

Аннотация

1899 год, Петербург. Платон Вересов — один из величайших умов эпохи драконьего жара — умирает, оставив опасные исследования и слишком много тайн. Империя держится на гибридных драконах, но порода вырождается. За его наследием охотятся общество «Гелиос» и Тайная канцелярия. Вдове Ольге Павловне предстоит узнать, над чем работал муж на самом деле — и сделать выбор между правдой и страстью.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	27
Глава 3	50
Глава 4	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Омоется латунию вдовье сердце

Глава 1

Ольга Павловна потеряла глаза, наслаждаясь танцем ресничек под кончиками пальцев. Но это не помогло: она подняла взгляд — перед ней все еще висело это чертово полотно. Обуреваемая ненавистью и отвращением, Ольга часто задавалась вопросом: «Зачем?» Зачем она всегда подходила к этой картине? Зачем смотрела на то, что казалось настолько мерзким и постыдным, что аж волосы на руках привставали от разливающейся под кожей злости?

Из бальной залы доносились звуки струнного квартета, топот десятков каблуков, скрип половиц и приглушенные крики разгоряченного танцами светского общества. Ольга крепче сжала фужер — драконья чешуя, инкрустированная в ножку, больно впиалась в кожу. Она отвела взгляд от манившей весельем двери и в очередной раз уставилась на картину. Суриков. Небольшое полотно, написанное по личному заказу Федора Ивановича Паскевича и висевшее теперь в анфиладе дома на Английской набережной. В полутьме свечей и рядом с видом на бурлящую холодом Неву оно казалось еще более неуместным.

Ольга Павловна помнила, какой фурор в светском обществе произвело «Утро стрелецкой казни». Благоговейный ужас, который испытали все присутствовавшие на первом показе полотна, до сих пор всплывал в воспоминаниях, чуть сбивая дыхание. Она помнила и все потянувшиеся следом сплетни и слухи о немедленном выкупе Третьяковым шедевра за баснословную сумму — восемь тысяч рублей. Поистине достойная картина. Она любила Сурикова. Так же, как и многие дамы в светском обществе любят талантливых живописцев — не слишком уж сильно. Совсем не так, как она любила драконов. Может, поэтому это маленькое, убогое полотно убивало в ней все живое.

Серое небо в темной копоти, залитое пламенем; блестящие от дождя купола собора; стрельцы, бок о бок с драконоборческими дружинами, целятся из луков в черного ящера. В некрасивого, безобразного, не такого, каких Ольга видела на всех кольцах, серьгах и ожерельях, фресках и аккуратных открытках ко Дню Пламени. Не такого, каких рисуют гравёры на гербах и императорских штампах. На картине было настоящее чудовище, спорящее размерами с самим Покровским собором. И ужас в лицах разбегающейся толпы и даже некоторых драконоборцев, державших луки трясущими руками. Здесь Ольга Павловна признавала талант Сурикова — атмосфера страха вышла очень натуральной.

В детстве «Налет Змия на Москву» казался ей одной из глупых страшилок, которыми пугала няня. «Не бывает таких

драконов, чтобы купол собора обвалить», — перечила Ольга каждый раз, когда та читала ей на ночь.

Ольга снова потеряла глаза, сделала еще один глоток и посмотрела на «него». Она всегда смотрела на «него» напоследок. Седовласый старец, сидевший прямо на земле в самом центре композиции, прижимая шапку к груди. Спиной к дракону. Он точно окаменел, застыл в разбегающейся толпе — без страха, без отчаяния. Обреченность на спокойном лице, на том самом лице, которое Ольга Павловна видела практически каждое утро.

Отчего-то этот старец был похож на ее мужа. Она даже спрашивала как-то и у него самого, и у Федора Ивановича, бывшего ему близким другом, откуда такое сходство. Может, Федор Иванович при заказе полотна продемонстрировал художнику его портрет? Но муж сходства не признавал, как и Федор Иванович не признавал сей злой шутки в виде изображения самого светлого ума эпохи, сидевшего в крестьянских одеждах да еще и спиной к дракону.

— Не могло такого быть, чтобы при виде дракона Платон Вересов и головы не повернул, — ухмыльнулась Ольга. Она всегда говорила это перед тем, как уйти от ненавистного полотна, и этот раз не стал исключением. Ольга не любила исключений.

Она вышла из анфилады и направилась к мраморной лестнице, устланной красным бархатом. На ступеньках шептались юные, знатные и, наверное, оттого самые несчастные из

влюбленных. Двое. Кадет и младшая генеральская дочка. Он вкрадчивым шепотом пытался объяснить ей, почему «сие не исполнимо», а она отшатнулась от него, выдернув руку, и обильно покраснелась при виде Ольги Павловны. Ольга задрала свой острый подбородок повыше и прошествовала мимо влюбленных самой изящной из светских походок.

В бальной зале дома на Английской набережной всюду кружились в полонезе, восклицали, пили и играли в карты. Ольга оглядела пространство в поисках держателя бала. Федор Иванович был уже в тех годах, когда собирать молодых под своей крышей считалось в некоторой степени меценатством. И как человек истинно знатный и до нескромности богатый, он обладал множеством прихлебателей, по милости своей называя всех «племянниками». Хотя Ольга знала достоверно, что родных племянников у него нет.

Ольга призадумалась. Федор Иванович, конечно, не слыл отшельником и, несмотря на преклонный возраст, регулярно собирал балы и светские обеды. Но обыкновенно они проходили по осени и к рождественским гуляньям. Да и супруга его в этом году выехала в Могилевское имение раньше обычного, в самом начале апреля.

Ольга посмотрела на старика, восседавшего в пышно отделанном бархатом кресле, и прищурилась. А он, вдруг заметив ее взгляд, коротко кивнул, оплатив какой-то мелкой, запуганной улыбкой.

Ольга поставила фужер на поднос пробежавшего мимо ла-

кея и прошлась по зале. Взгляды и ужимки окружающих казались ей сегодня отчего-то совершенно отвратительными. Но сильнее всего удивляли те, кто обходился без этого вовсе. Отводили глаза. Почему? Она смотрела на светлейшего князя, кружась и вышагивая по комнате, и настойчиво искала случая предстать пред его взором. Но и он отводил. Ускользал.

«Осанка. Осанка превыше всего, — говаривала ей матушка с раннего детства. — Захочешь обратить внимание мужей — распрями плечи и встань точеной статуей. А чтоб сердце их надеждами к тебе прониклось, сооруди на лице святую простоту, покорность. Даже глупость подойдет, но глупость тихая, без наглости...»

Уроки матушки Ольга Павловна запомнила все. Только с «покорностью и глупостью» у нее никогда не получалось. Но плечи она выпрямила, натянулась, как струна, и в этот момент вспомнила, как любил говаривать отец: «Никогда не позволяйте врагу выбирать место битвы». Вот уроки отца всегда служили ей добрую службу.

Ольга обошла стороной танцующих и встала под портретом Екатерины Великой, развернувшись так, чтоб светлейшему князю был точно виден ее аккуратный профиль. Она достала веер — образчик современного тагма-искусства. Инкрустации драконьих костных элементов, загашенных латунным окуриванием и собранных руками мастеров Ломоносовского завода в истинном порядке пламени, придавали вееру

свойства, в простонародье звавшиеся «колдовскими». А еще — цену. О да, цена была высока. Настолько непомерно высока, что до того, как Ольга Павловна раскрыла веер, взгляды всех дам сверкнули мельком где-то на латунной рукоятке.

Она раскрыла его щелчком, распуская вокруг себя ореол перламутрового свечения. Оно обвивало, украшало, искажая пространство для глаз смотрящих. Тонкая магия. Хотя муж регулярно ругал ее за использование таких словечек.

«Наука! Наука пламени и жара, физика! Любое явление, даже столь загадочное, может быть объяснено силами пытливых человеческих умов», — восклицал он обычно за ужином, когда Ольга рассказывала о новомодных дамских «волшебных» вещичках.

Ей было все равно. Она обожала этот перламутровый мираж — побочное «излучение», появлявшееся после латунного окуривания драконьей чешуи и портившее военным прицельные свойства дальнострельных орудий. Талантливые инженеры корпели многие десятилетия, пытаясь избавиться от этой побочной особенности тагма-механизмов. Но еще более талантливые купцы, узрев в этом истинную ценность, начали использовать «излучение» для всего «дамского» и, по мнению Ольги, нисколько не прогадали.

Она нежно обмахивалась веером, заматывая себя все глубже в этот сверкающий мираж. Главное — не смотреться в зеркало, иначе можно сгореть от самолюбования и впасть в обморок.

Ольга повернулась и, поймав скользнувший по ней взгляд великой княгини Ксении Александровны, скромно улыбнулась и склонилась в легком книксене. Изображать святую простоту перед властными женщинами у нее выходило как-то само собой. Она сделала шаг в сторону императорской сестрицы, как откуда-то вынырнул Александр Михайлович.

— Светлейший князь, — мягко выговорила Ольга Павловна.

— Чертовка, — прошептал он одними губами.

Она хорошо помнила это словечко, слетавшее с его губ зимними вечерами в скромно меблированной наемной квартире.

— Позвольте украсть у вас танец? — осведомился он басовитым голосом и, мельком глянув на жену, схватил Ольгу за руку и вытянул на паркет.

Заиграли вальс — медленный и томный, и множество пар вмиг присоединились к кружившим по зале Ольге и Сандро.

«Ах, не посмейте назвать меня так на людях!» — наигранно злился он как-то вечером все в той же скромно меблированной квартире. А Ольга лишь хохотала, раскусывая виноградинку и прикрываясь гобеленом с красными драконами. Сейчас же они оба молчали. Ольга подняла брови, прилипнув взглядом к едва заметной родинке на его скуле, а он отвернулся, ведя в танце.

Кружащиеся огни, шорох атласных платьев и взгляды... изменились. Ольга мельком заметила, как дамы отводят гла-

за, с интересом глядя куда угодно, но не на них. Это ее не смущало, потому что было вполне в духе нынешних нравов. Смущало другое: она насчитала троих мужчин, смотревших на нее во все внимание. На третьем круге танца она уверилась, что взгляды эти — не случайность.

«Аязов», — мысленно шепнула она себе, проплывая мимо непримечательного мужчины с редкими усиками.

«Красов», — уткнулась она в следующий взгляд полноватого, в годах, чиновника, даже не потрудившегося скромно отвернуться.

«Феликс. — Поймать этот взгляд было крайне неприятно, собственно, как и обнаружить этого человека среди гостей. — Что он вообще здесь делает?!» — вскипела Ольга и мимолетно глянула на то место, где восседал хозяин дома. Кресло пустовало.

— Как же ваше давешнее «нам лучше больше с вами не встречаться»? — вдруг желчно шепнул ей на ухо светлейший князь.

Они докружились до дальнего конца залы. Ольга чуть отстранилась, старательно делая вид, что запыхалась, и поправила выпавший локон. Аязов часто приглядывал за ее мужем по наставлению Тайной канцелярии, а сейчас, бесспорно, пялился на нее. Красов же отвечал за казенные деньги, выделяемые мужу на исследования. Вот он уже не смотрел и быстрым шагом выходил из бальной залы, точно получив какое-то известие.

Ольга развернулась, ища взглядом Феликса. Хитрые его глаза сияли отблесками свечей в тени угла, за креслом, где недавно восседал Федор Иванович. Феликс глотнул вина и, мерзко улыбнувшись, кивнул Ольге.

— Ольга Павловна! — наседал Сандро яростным шепотом. — Я решительно интересуюсь, что вы вознамерились делать? Хотите уничтожить меня в глазах жены?

Ольга встретила с ним взглядом — открыто, в первый раз за вечер. Внутри точно сжался комок из тревожного предчувствия. Она знала. Она откуда-то всегда знала о беде наперед. Интуиция никогда не подводила. Хотя ее мужа и немного раздражали подобные словечки.

«Не интуиция, а истинно аналитические способности у вас, моя дорогая», — смеялся он однажды в доме Анисимовых, сидя с самоваром на летней веранде, когда Ольга уверяла его, что дочка Анисимова спуталась с конюхом. Она поняла это по двум скромным их переглядкам и оказалась права.

— Александр Михайлович, вы меня про здоровье Платона Илларионовича сегодня не спросили. Хотя всегда очень им интересовались.

Светлейший князь на секунду запнулся, округлив глаза, а Аязов за его спиной поспешно вышел из залы. Феликс уселся в кресло и отчего-то очень развеселился. Ольга ощутила, как тревожный комок взорвался где-то под ребрами, разбежавшись к спине и вискам. Ноги чуть подкосились.

— Я... Позвольте, Ольга Павловна, немного другие, бо-

лее личные обстоятельства меня встревожили, — он даже не пытался скрыть злости в своем громком шепоте. — Кхм, не подумайте плохого. И как же здоровье вашего мужа? Все ли в порядке? — спокойнее выговорил он сухим голосом, заметив, сколько вокруг собралось народу.

— Не знаю. Не виделись...

Платон вроде что-то говорил за завтраком про поездку в Ломоносов, про какого-то нового лаборанта — «талант, из Москвы выписанный». Но в этом не было ничего странного. Бывало, он и неделями в Ломоносове пропадал. Отчего же сейчас-то сердечко так забилося?! Ольга никак не могла успокоить себя.

— ...поболее трех дней. Но вы знаете, вы правы, что не спрашиваете, уверена, с Платоном Илларионовичем все прекрасно. Позвольте вас покинуть. И не тревожьтесь — кого-либо компрометировать никогда не входило в мои намерения.

Светлейший князь попытался улыбнуться. И этой лживой улыбкой разбил ей сердце. Беда. Теперь Ольга была абсолютно уверена, что беда какая-то уже приключилась. Незвестным оставался масштаб.

Она выплыла из залы и практически на бегу вырвала пальто из рук ливрейного лакея. Сбежав по мостовой, схватила извозчика. Сердце колотилось, вторя стуку каждого булыжника на Невском.

«Какая же напасть? — в тревоге грызла Ольга аккуратный

ноготь. — Что-то приключилось в Ломоносове? Арест? Компромат? Узнали про Сандро? Нет. Нет. Нет. Муж говорил, что послал статью в научный журнал и что тематика спорная, вызывающая разнотолки в ученых кругах. Может, это?»

Но что за статья, Ольга не помнила.

«Может, тот талантливый лаборант? Был же какой-то скандал... Выписан из Москвы после ареста видного ученого. Да как же звали-то его?! Неужто шпионаж? И Аязов тут как тут».

Она отгрызла заусенец до крови.

— Нет. Спокойно, — шепнула она себе. — У него титул, авторитет. Какова бы ни была ситуация... прощения вымолим. В ноги упаду к Сандро или к самому Николаю. Кшесинская давно охотилась за зеркалом — отдам. К отцу в крайнем...

— Приехали, барыня, — крикнул извозчик, натягивая поводья.

Ольга взлетела по ступенькам. Особняк на Фонтанке всегда пестрил сиянием окон, даже когда хозяев не было дома, но сейчас свет на всех трех этажах заставил Ольгу прибавить шаг, забыв о манерах.

Марфа Лугина, их талантливая экономка, содержавшая хозяйство в строгости и четких правилах, сейчас стояла посреди вестибюля, запустив руки в свой тугий пучок, и озиравлась почти в агонии. Ольге на мгновение почудилось, что за Марфой кто-то растянул алую занавесь, но, присмотрев-

шись, она задохнулась от ужаса.

Красные мундиры были повсюду. Суетились, точно муравьи. Драконоборцы. Они бегали из угла в угол, толпились на лестнице, что-то шумно роняли на верхних этажах. Ольга расслышала треск поддавшейся в подвале двери и звон битого стекла на втором этаже, заставивший Марфу горько взвыть.

«Почти любая известная беда стократ лучше неизвестности», — говаривал отец.

Ольга шумно выдохнула, чтобы успокоиться, и с силой схватила за мундир пробежавшего мимо юнца. Тот от неожиданности выронил стопку книг и документов, которую тащил из библиотеки.

— По чьему приказу? Кто командует? — зарычала она, совершенно не заботясь о приличиях, как вдруг расслышала с детства ненавистный звук.

Стук военных сапог по мраморному полу. Шаг, еще шаг. Медленный, уверенный. Офицерская походка — знала Ольга до того, как развернулась.

Он был высок и сравнительно молод. Испорчен, как и все боевые дружинники на городской службе, ежедневными злоупотреблениями, залегшими усталой синевой под светло-голубыми глазами. Орден Безглавого Дракона, сияющий золотом на алом мундире, щетина и этот омерзительный взгляд человека, знавшего цену спокойной жизни горожан. Ту самую цену, что всегда платили дальние рубежи и такие, как

он.

Безглавого Дракона выдавали за трех Диких. Награда калек и мертвецов. Но он стоял на своих ногах, и обе руки на месте. Ольга мысленно поморщилась: пред ней очередной паркетный щеголь, купивший славу за отцовские рубли.

— Приветствую вас, Ольга Павловна, — кивнул офицер, протягивая конверт рукою в черной перчатке с двумя срезанными по драконоборческой традиции пальцами. — Евгений Огнинский. По высочайшему дозволению команду описью и изъятием документации...

— Огнинский! — перебила Ольга, выхватывая конверт. — Владимир Николаевич, генерал Императорского драконоборческого корпуса, вам не батюшкой ли, случаем, приходится? — ухмыльнулась она.

Это бы многое объяснило. И орден на неискалеченном, без шрамов теле, и службу в городе в том возрасте, когда большинство драконоборцев еще участвуют в походах по горам и степям.

Красные мундиры не были редкостью в городах, но в большинстве своем это были либо совсем юнцы-кадеты, пока не отправившиеся в свою первую экспедицию, либо утратившие конечность и покрытые алыми шрамами воины, которых списали с боевой службы на канцелярские должности. Либо вот такие представители исконно русского кумовства и высочайшего поручительства.

— Нет, Ольга Павловна, — спокойно улыбнулся Евгений.

— Не стану отрицать родства, но оно настолько дальнее, что в нынешних обстоятельствах не стоит и упоминания. Сейчас важнее то, что мы не ждали столь раннего вашего возвращения. И я решительно не представляю, что с вами теперь делать. Предложить вам чаю? — пожал плечами Огнинский, возвращая Ольге усмешку.

Она была готова вцепиться в него и разодрать ногтями прямо на глазах у Марфы, с которой почти случился обморок после этих слов. Экономка сползла на пуфик и уставилась на офицера круглыми глазами. Ольга прижала руки к поясу.

«Невоспитанные люди никогда не могут сдержать своих рук. Нет ничего сильнее порочащего репутацию и доброе имя, чем привычка размахивать руками, когда нужно стоять достойно. Осанка! Оленька, осанка превыше всего!» — хлопотал голос матери в голове.

«Пусть Господь будет к моим врагам милосерднее, чем буду я!» — как всегда перекрыл его басовитый отцовский шепот. И по отделанному мрамором вестибюлю разлетелся оглушительный щелчок пощечины.

Ольга поняла, что натворила, лишь когда по ладони жаром расплзлась боль, а в голове разом забегали лихорадочные мысли: «Нападение на офицера при исполнении. Помеха следствию. Насколько дальнее родство не стоит упоминания? Племянник? Двоюродный? Внучатый? Ишь, как заулыбался, паршивец!»

Евгений и правда улыбался хищной, волчьей улыбкой. Но вдруг почесал затылок, точно простой мужик, и, громко цокнув языком, аккуратно выговорил:

— Рука у вас тяжелая, Ольга Павловна. Пройдемте присядем в гостиной, с ней уже закончили, а мадам Лугина вам чаю подаст. — Он развернулся и, протянув руку, разом поднял Марфу с пуфика и отправил на кухню. — Вам бы нервы побережь, Ольга Павловна. Со всеми-то вашими бедами.

— С какими моими бедами? — опешила Ольга.

Ноги подкосились от выражения, мелькнувшего на лице Огнинского. Она точно знала этот взгляд, точно знала, как складываются брови скорбным домиком, когда говорят... о мертвых.

— Так понятно, с какими. Платон Илларионович давеча погиб, — проговорил он, ничем не пытаясь смягчить или подсластить известие. — Неужто не сообщили вам? Отчего же тогда с бала раньше воротились? — прищурился он с подозрением.

— Сами пейте ваш чай, — спокойно ответила Ольга. — Марфе передайте, пусть запрет дом после того, как закончите.

Ольга сбежала с крыльца, а Огнинский даже не попытался окликнуть ее или остановить.

«Это хорошо, — думала она. — Значит, до меня им дела нет. Нужны лишь документы».

Она бежала по вечернему Невскому, задыхаясь, путаясь

в атласных юбках и налетая на прохожих, но не позволяла себе сбавить темп. Точно каждый следующий шаг, пусть и через боль в боку, через пламя в легких, мог унести ее от беды, непоправимой, уже случившейся.

Ольга остановилась у дома на Малой Морской. Наемные апартаменты. Да вот только не те, в которых ей хотелось бы сейчас оказаться.

Четыре обширные комнаты, обставленные в минималистичной римской манере. Любитель античности и порядка восседал на скромном дубовом кресле, напоминавшем венский стул с ручками. Из удобств — лишь тонкая бархатная подушка. Он был в вечернем халате и несурзных узконосых тапочках. Грелся в пламени камина или, может, жаждал больше света, не успев прочитать всех новостей и документов. Либо, по своему обыкновению, читал важные письма лишь у открытого огня.

Ольга замялась в дверях. Он знал, что это пришла она. Это была игра. Всегда была игра. «Не всякая битва требует выстрела. Некоторые выигрываются молчанием». И он, конечно же, знал, зачем она пожаловала.

Сложив документ и решив не придавать его огню, он встал со своего скромного деревянного трона и подошел к Ольге, молча застывшей в проходе.

— Я обо всем распорядился. Сегодня заночуете у матушки, там все извещены. Завтра поутру отпоют в лавре, сановникам за все уплачено. Казна покроет половину расходов,

склеп семейный готовят... Что-то еще наверняка запомнил. Ах да, я отправил к Паскевичу сообщение — сбором друзей и траурного обеда займется он. Вопросы?

— Как? Что же с ним приключилось? Отец... — От усталости и нервов у Ольги подкосились ноги и закончился лимит терпения. Она не стала ждать приглашения и, пройдя мимо отца, уселась в кресло у камина, уставившись в пламя.

— А приключились, Оленька, годы, — выдохнул он и, налив из графина воды, протянул ей стакан.

— Его годы с ним давно. Как же так? Ведь все было в порядке буквально... — Ольга попыталась запить водой накатившие от обиды и злости слезы.

— Он выписал к себе врача в начале недели. Врач утверждает, что осложнилась перенесенная на ногах простуда. Сгорел буквально за вечер.

— Не было никакой простуды! — яростно уставилась она на отца.

— Почем нам знать, может, и не было.

— Но мы узнаем. — Ольга со стуком поставила стакан на ручку кресла.

— Тебе, моя дорогая, сейчас не об этом должно волноваться. Оставь дела, которые тебя не касаются, и займись насущными проблемами.

— Отчего вы решили, отец, что смерть мужа меня не касается? Что может быть более насущным?! — Ольга посмотрела на него, сердито сведя брови. Она знала, как отец нена-

видел и этот взгляд, и этот ее тон. Но сейчас ей было все равно. А он смолчал.

— К обстоятельствам кончины Платона Илларионовича, конечно, проявят должное внимание на самом высшем уровне, тут не тревожся. Если и есть что-то скрытное, что должно выясниться, все узнается.

— Они прислали драконоборцев! Отец! В дом к самому Вересову! Сразу как почил. Да это просто оскорбление! — глаза Ольги пылали от подступивших слез, а в груди разгоралась ярость.

— Они прислали тех, кто разберется. Быстро, без проволок и шума.

— Это Огнинский-то разберется?! Да он мужлан и дезертир! И... — Ольга закрыла рот рукой, вспомнив о пощечине.

— И вполне достойный офицер. Я лично подписал согласие о его назначении. Чего запнулась? Договаривай, — рассердился отец.

— И я его ударила, — пробубнила Ольга.

Комната наполнилась смехом. Ольга выронила бы стакан с водой, если бы тот не стоял на ручке кресла: так редко в своей жизни она слышала, как отец смеялся — басовитым, заливистым хохотом.

Он смахнул проступившую слезинку и положил руку ей на плечо.

— И как отреагировал мужлан и дезертир?

— Сказал, что рука тяжелая, — смутилась Ольга, точно ей

снова пятнадцать, а отец отчитывает ее за то, что выставила брата на охоте полным дураком.

— Иначе и быть не могло. Ступай к матери, — отец хлопал ее по плечу. — День завтра хлопотный будет. Лучше отдохни.

Ольга встала и молча направилась к двери. Задержалась на мгновение на пороге. Отец имел привычку говорить все самое важное и самое ужасное напоследок. Сердце замирало от одного его «Ах да...»

— Ах да, Оленька, — как всегда невзначай шепнул он, когда она скрипнула половицей порога, — как похоронишь, из города лучше уехать на какое-то время. Наверняка в Гатчине дела в порядок надо привести. Как тамошнее ваше имение поживает?

— Не бывала там после пожара на ферме, — дернула плечом она.

— Ну что ж, вот и съезди, проверь, новости сообщи. Спокойной ночи, родная, — кивнул он без малейшей теплоты в голосе, и Ольга выскочила прочь.

Проснулась она перед рассветом. В квартирах, которые нанимала матушка, ей всегда плохо спалось. Подойдя к окну, Ольга оглядела ранний утренний Петербург. Светало в апреле рано, однако солнце никак не решалось выглянуть сквозь низкие серые облака. Но город просыпался, несмотря на туман и изморось, — мещане с их делами уже появлялись на улицах: торговцы, несколько красных мундиров, кареты

и извозчики.

Отойдя от окна, Ольга вытащила из потайного кармана крошечную латунную шкатулку-футляр. Она медленно ходила кругами по комнате, точно совершая променад в ухоженных летних садах: именно такой походкой она бы шла по Екатерининскому или Версалию под руку с монаршей особой. Мысли путались.

«Нужно немного ясности». — Ольга до боли сжала в ладони латунный коробочек. Она клялась Платону Иларионовичу, что больше не притронется к пламенным каплям.

«И то верно. Клялась. А он клялся, что не оставит меня, не сейчас... Да как же он посмел?! Что же мне теперь одной?!» — Она достала пузырек и стеклянной пипеткой капнула по маленькой капельке в уголок каждого глаза. Спрятала шкатулку обратно в карман и устремила в коридор.

В гостиных комнатах висело зеркало с рабочим «двойником»: достигалось подобное свойство с помощью инкрустации по четырем углам стекла драконьей чешуи, собранной вскоре после забоя с одного и того же глаза. Сделанная правильно «пара» позволяла связывать пространство посредством взаимного отражения. Зеркала иногда «шалили» и могли неправильно отразить реальность: показать постыдные жесты, которых на самом деле не было, или исказить буквы в демонстрируемом сообщении, всячески подменяя его смысл. А звуки и речь они вообще не отражали.

Этот двойник в наемных петербургских квартирах ма-

тушки был связан с зеркалом в гостиной родового поместья Крамских. Ольга помнила, как бегала в детстве мимо того зеркала в ожидании, что вдруг увидит бабушку. Но это были старинные и не самые дорогие из двойников и работали они плохо еще тогда, когда Ольге было семь. Сейчас же не было и надежды, что кто-то из поместья увидит отражение Ольги с воспаленными глазами. Но именно этого ей и было нужно.

«Лучше бы, конечно, подошло зеркало с утраченным двойником, но сойдет и это», — подумала Ольга, наблюдая, как шевелилась и менялась темнота зеркальной глади.

Пламенные капли уже начали «зажигать» взгляд, наполняя реальность перламутровой дымкой. Блестки и восторг — вот что виделось в зеркалах воспаленными глазами. Восхитительные миры, наполненные блистательными одедами, безупречными пропорциями и каким-то романтическим счастьем. Красота, безмятежность, покой — так могли бы выглядеть лучшие минуты, годы лучшей жизни.

Это стало наваждением целых поколений. Ученые мужи осуждали всех, кто глазел часами в зеркала, растрачивал реальную жизнь на свое «идеальное» отражение и утопал в перламутровом блеске. Детям с малых лет рассказывали страшилки про жемчужное безумие, но и это никого не останавливало, ведь, попробовав единожды, уже невозможно остановиться. Всем, конечно, доподлинно было известно, что это всего лишь иллюзия, но знание редко приносит кому-то счастье.

Зеркальные двойники уничтожались сотнями, несмотря на баснословную стоимость, несмотря на возможность сообщения между двумя сколь угодно удаленными помещениями. Бились вдребезги вторые половинки — ведь чтобы добиться лучшего отражения своих желаний должен был остаться единственный из двойников. Людям нравились ожившие мечты. Нравилось становиться своей самой главной любовью, пусть и в зеркале. И никто ничего не мог с этим поделать. Вот и Ольга не могла, хотя муж ее очень пытался.

— Но где он теперь? — шепнула она даме в перламутровом сиянии, и та вся засверкала, изящно улыбнувшись в ответ. Как же она была прекрасна!

Ольга подошла ближе, прижалась лбом к стеклу. От горячего дыхания разрастался мутный след. Тело горело. Действие капель быстро заканчивалось. Обычно дамы смущались и отворачивались от зеркала в этот последний момент. За наслаждением всегда приходила пламенная агония. А Ольга любила именно ее и именно ее всегда ждала.

Она внимательно смотрела на свое лицо: перламутр слетал точно мука на ветру, и кожу под глазами начали прорезать фигуры Лихтенберга¹ — тоненькие струйки красных шрамов. Они ползли и множились хаотично самоповторяясь уменьшающимися к краям отрезками, залегая рубцами, го-

¹ Фигуры Лихтенберга — открытые физиком Лихтенбергом в 1777 году древовидные узоры и шрамы, остающиеся на поверхности (включая человеческую кожу) после удара молнией или мощного разряда тока.

ря пламенем изнутри, точно лава под потрескавшимся камнем.

Ольга застонала от удовольствия, сильнее прижавшись к зеркалу. Как же она мечтала о таком красном шраме. Но для этого пришлось бы столкнуться с Диким драконом и выжить. Она согласилась бы и на черный шрам, который оставляла гибридная порода, но ее отец, как и ее муж, никогда бы этого не позволили.

Каждый раз, усаживаясь в тагма-повозку или проходя мимо замысловатых военных механизмов, Ольга мечтала, что вот сейчас «выгорит», взорвется, и ее плечи или, быть может, даже щеки навсегда покроются этим восхитительным узором. Она провела пальцами по отражению своей зеркальной щеки, и действие пламенных капель закончилось.

Ольга Павловна стояла, тяжело дыша, у зеркала в пустой гостиной. Где-то вдали, на Невском, звенели утренние колокола. Солнце выглянуло из-за туч и нежными весенними столпами озарило комнату.

«Прекрасный день для похорон», — подумала она и заправила выбившийся локон за ухо. Черный цвет всегда был ей к лицу.

Глава 2

Она стояла в красных свадебных одеждах. Лохматая девушка, вся жизнью побитая. Босая. По щиколотку в мелкой луже, разбегавшейся вдаль бескрайним грязным морем. Ленточки развевались на ураганном ветру. Она посмотрела на него злобно исподлобья, сплюнула в воду и вдруг зарычала, точно собака.

— Ты чего здесь такая забыла? — Евгений протянул руку в порыве потрепать ее по волосам, а она схватила его за запястье. Ловко, быстро, слишком быстро для человека. Уж эту скорость Огнинский знал, да и шрам на груди загорелся нестерпимым жаром. Драконья мощь.

— Ясно, — выдохнул он и вывернул руку из хватки, а девочка тут же метнулась ему за спину. Зов всегда приходил к нему в женском облиции.

Евгений слышал, как она рычит, чувствовал кожей каждый ее обжигающий вздох, отзывавшийся болью в шраме. А тот пульсировал, вторя ее ненависти. Он знал, что нужно оглянуться. Но бесконечная лужа-море выглядела так спокойно. Где-то вдалеке теплый воздух метался миражом, а за ним лежали бескрайние степи, холмы Губерлинских гор. Если чуть прищуриться, вот-вот получится разглядеть их. Огнинский выругался и развернулся.

Он всегда был готов. Ко всему. К драке, к боли, к наихудшему стечению обстоятельств. Тяжело было его удивить. Но она смогла. Ольга Павловна влепила ему пощечину.

Он проснулся с криком. Кажется, это случилось лет двадцать назад.

— Нет, — потер он щеку, — вчера. Всего-то только вчера, — прохрипел осипшим от воплей голосом.

Шрам зажегся как-то по-особенному сильно. Три года прошло, а так и не зажил до конца. Врачи обещали, что за год затянется, сослуживцы пугали, что до самой могилы будет мучить, гореть и светиться после каждого кошмара, рядом с каждым тагма-механизмом — будь то оружие или дамский веер. Но Огнинский считал, что ошибались и те и другие.

Он пошевелил плечом. Да, больно, да, не зажил, но и боль не то чтобы нестерпимая. А кошмары снились все реже. Он подошел к столику с жестяной миской и, обмакнув платок, прошелся по горячей коже холодной тканью.

— Хорошо, — выдохнул он, подняв глаза к зеркалу. И чуть не сшиб от удивления миску на пол. Чудом поймал.

Она смотрела на него злобно, стоя в красных крестьянских одеждах внутри темной зеркальной глади. Хотя и грязная, подранная, Ольга Павловна гордо задрала подбородок.

— Ясно. Сегодня больше не уснуть, — выдохнул Огнинский и брызнул на зеркало водой. Наваждение исчезло, оставив лишь его собственное помятое отражение. Но мерзкое гудение в ушах нарастало.

За окнами белела апрельская ночь. Евгений натянул мундир поверх вчерашней рубашки и спустился в город. Бродил он недолго: ноги сами привели в знакомое место. В кабак. Может, и было у этого заведения какое-то название, но все постояльцы звали его просто «Подвал», а Евгений ничем разительно от здешних постояльцев не отличался.

Едва войдя, он сразу же встретился с хозяином взглядом. Тот что-то старательно тер за барной стойкой, сделанной на американский манер. Хозяин налил стакан молока и протянул Евгению. Отставные драконоборцы были здесь частыми гостями.

Огнинский выпил залпом, ощущая, как скатывается гудящая напасть.

— Еще? Или, может, чего погорячее? — предложил трактирщик, обведя Евгения оценивающим взглядом. Знал, что после Зова им всегда холодно.

Чай да молоко — вот и все, что придумали для борьбы с наваждением драконоборцы. Ученые умы не спешили изобретать лекарств. У ученых умов всегда были дела поважнее, чем верить в рассказы солдатни. А может, и не существовало никакого лекарства, оттого и не придумали.

«Холодно», — прислушался к своим ощущениям Евгений и, посмотрев на полыхающий в печке огонь, решил, что во все и не отпустило его. Не хотелось бы ему увидеть Ольгу Павловну, пусть и призрачную, в подобном месте.

— Нет. Еще молока стакан — и довольно.

Расплатившись с хозяином, он вышел в город и направился в сторону корпусов на канале. Евгению нравился ранний утренний Петербург. Горожане старательно начинали новый день — кто-то тащил испеченные ночью кренделя, извозчик расправлял сбрую на лошадях, заливались звонкой песней утренние колокола. Город просыпался, несмотря на туман и изморось.

Евгений перекинулся парой слов с мужиком у церковной оградки. Людям только дай про драконов расспросить. Много лет назад один именитый драконоборец, выйдя на почетную пенсию, написал мемуары и даже опубликовал их в издательстве. Евгений не осуждал его, как и тех, кто зачитывался этой книжонкой со сказками. Он и сам, будучи кадетом, держал ее у кровати, грезя о приключениях и схватках с могучими демонами. Кто ж знал, что все окажется совершенно не так.

Драконоборцы никогда не скрывали правды о том, что происходит на рубежах, просто говорить об этом никто не хотел. Тяжело. Да никто и не хотел слушать правдивые истории. Горожанам подавай их сказки.

— Слышимо, что они же и лисиц хитрее! И там ловушки у них рядом с пещерами, сокровища берегут, загадки загадывают! — разводил руками мужик, пересказывая исковерканную главу про «драконье логово».

Евгений часто видел в кошмарах тот сосновый склон. Не в тех кошмарах, которые приходили с Зовом, зажигая шрам,

а в тех, самых обычных дурных сновидениях, что часто липнут к людям, пережившим что-то поистине ужасающее.

Была это вылазка тактического отряда, последняя его вылазка перед отставкой. Егеря-загонщики донесли по весне про следы и постой перламутровых миражей на склонах речки. Значит, рядом где-то от деревеньки Тулумской², на десять домов, что на семь верст к северо-западу от изгиба Усьвы, должно было быть логово.

Это была плохая идея старшины — идти искать. Кабы логово крылось в степях или на пересеченной местности, то подход, может, и был бы в некоторой степени правильным. Но вот в соснах, да еще и с каменистым уклоном, заваленным булыжниками в человеческий рост... Отвратительная идея. И в корне неверная. Евгений почти получил гауптвахту, пока спорил со старшиной до вылазки. А его товарищ получил. Везучий.

Старшину перевели незадолго до этого с форпоста в Долгих горах. У него уже был Безглавый на груди и, помимо этого, четвертый забитый Дикий. И то ли возгордился старшина чрезмерно, то ли поверил в свою какую-то удачу, но повел он отряд двадцати бойцов, на треть из кадетов зеленых составленный, в лес.

Дракон раскидал их как детей еще до того, как первый раз

² Тулумская деревня — историческое поселение XIX века в Пермском крае (западный склон Урала) на берегу реки Усьвы. Местность знаменита своими скальными массивами, включая Усьвинские столбы и Каменный город

дыхнул пламенем. Сосновые стволы ломались в щепки от летящих гранитных валунов. Вспышка. Еще вспышка. Хитрая тварь металась среди деревьев. Заманивала их в свои ловушки. Свист, вой, рокот. Книжонка с мемуарами подарила это-му всему поэтичное название — «драконьи песни».

Евгений горько вздохнул, вспомнив о тех самых «песнях» и о том, как стоял он тогда на коленях в грязи среди груды покалеченных тел, с горящим от боли плечом и истлевшим на груди мундиром. Слушал те... клочкотания, вопли, будто в адском котле рыдали, были и варились вживую невинные души. Вот на что это было похоже...

Тварь победила, отстояла свое логово. И решила поиграть напоследок. Дракон спокойно подполз к нему, раздумывая, плюнуть жаром или, может, откусить голову, а Евгений просто хотел закрыть глаза да увидеть перед смертью лицо Анютки. Но сдержался. Самое недостойное, что может сделать мужчина, — закрыть глаза в тот последний момент.

Старшина вылетел точно из ниоткуда, с диким воплем, весь в крови. Он бежал, не попадая стреляя из тагма-ружья, упирая его в плечо единственной уцелевшей рукой. Огнинский и дракон одновременно вздрогнули, и дракон на краткий миг повернулся.

«Хорошо, что глаза не закрыл», — много раз позже думал Евгений. А тогда он быстро выхватил из-за пояса свой «счастливый» абордажник и выстрелил дракону в ухо.

— Так и вот, если же у вас Безглавый, то значит-с, видели

логово-то самое? — не унимался мужик.

Евгений лишь улыбнулся. Толку нет разубеждать городских, поверивших в свои сказки.

— А то! — хохотнул он. — Монеты горой лежали! Все, как одна, с княжества Московского. В тех же землях Иван Калита обоз для Орды потерял — вот дракон и стерег столько лет.

— Ба! Так и куда же потом золото-то все дели? — ахнул мужик.

— Так оно ж известно куда. Сановники в логове все под опись взяли да куда надобно отправили. — Он театрально прижал к губам палец, изображая секретность.

Мужик же перекрестился и, раскланявшись, побежал по своим делам. Евгений чуть повеселел — к вечеру весь Невский будет обсуждать сокровища Калиты. Он запустил руку в карман и вынул маленький камушек. Плоский, серый, из тех, что красиво блестят в воде, а вытащишь на воздух — булыжник булыжником. Вросшая в камень миллионы лет назад мелкая ракушка скромно сверкнула на утреннем солнце. Туман развеялся.

Вот они — «сокровища» драконов. Какая же несусветная чушь нравилась этим демонам!

Огнинский вышагивал по бульвару, до боли сжимая в ладони камушек. Он отчетливо помнил первое логово, в которое попал совсем юнцом. Старшие частенько издевались над новобранцами и посылали их собирать «сокровища». Какое

же удивление постигло его тогда. Да, впрочем, и много позже. В каждом драконьем логове.

Могучие злобные ящеры — любители собирать мусор. Ветки, камни, перья, — в основном вороны, но изредка встречались и соколиные, — шишки, какие-то цветастые стекляшки и абсолютно ничего по человеческим меркам ценного.

У драконоборцев считалось хорошей приметой взять камушек из драконьей ямы, но Евгений долго с этим тянул. Решился только с тем самым последним драконом, погубившим его отряд.

Товарищ как-то в ночи убеждал его, что каждый дракон по своему особенному принципу раскладывает все эти камни и ветки и что, может, в этих причудливых линиях и спиралях, старательно выложенных из мусора, кроются послания. Но Евгений в такое не верил. Просто взял камень, наверное, из-за ракушки, и больше об этом не думал.

Он показал его рычащей Ольге Павловне, переливавшейся прозрачным перламутром в ярких солнечных лучах, и прошел мимо. А она зашлепала за ним следом босыми ногами.

— Холодно, — сокрушался Огнинский из-за никак не проходившего Зова. — Надо было чаю с сахаром выпить.

Караульный, увидев Огнинского, подивился, что рано, но отворил без вопросов и пустил его в штабс-апартаменты. В кабинетах второго этажа все было завалено стопками бу-

маг. Дело Вересова теперь не виделось Евгению «просто проверить на благопристойность», «подтвердить отсутствие крамольных идей», «найти опасные разработки», «и, может, сразу и повысят». Все оказалось сложнее. Точнее, не оказалось ровным счетом ничего — обычная бытовая, лояльная жизнь старого ученого. Это-то и было странно.

Повышения Огнинскому хотелось не так сильно, как прибавки к жалованию. Карьеристом он никогда не был. Тут не в дядьев своих, это точно, а в отца пошел. Тот остался в Тульском имении и жил себе практически крестьянином. Даром, что род благородный, когда денег нет даже крышу дома починить.

Евгения в город забрали тетки еще в тринадцать лет, устроили в кадеты. Потом служба, отставка по получении пламенной метки и перевод в Петербург на должность бюрократическую, чиновничью. Дедушкин брат постарался — вот где карьеризм и стремление к высотам! Евгению же ничего такого не хотелось. Но и чинить крышу в отцовском доме и жить в бедной старости тоже не было пределом его мечтаний. Вот и согласился на должность. А тут как тут — он. Феликс. Хитрый лис. «Ведь разжиться суммами можно не только за повышения и достойную службу».

— Я все, что должно, уже уплатил.

Евгений потер Безглавого на груди и глотнул обжигающего чая. Растрепанная, в красных одеждах, Ольга Павловна развеялась вместе с отступившим Зовом. Приступ прошел,

как и не было.

Феликсу отчего-то были интересны бумаги Платона Вересова. Огнинский хоть и считал шпионаж самым мерзким предательством, но Феликс тогда как-то так хитро изложил условия и предложил такую интересную сумму... Он готов был рассчитаться пятью тысячами рублей лишь за то, чтобы Евгений изредка, в процессе следствия, сообщал бы ему только те подробности, которые сочтет возможным сообщить. Без вреда, конечно, двору и развитию пламенной науки.

Евгений покрутил в руках стопку писем и глянул в окно. Солнце сияло, день окончательно распогодился.

— Похоронили уже, наверное...

Он расправил мятый бант из голубой атласной ленты. Письма. Ее рукою написанные. Выдернул одно наугад из середины стопки. Писала она из Копенгагена. Что-то про погоду и про то, как бы ей хотелось бросить все и переехать в подобный городок насовсем.

Евгений улыбнулся и сверился со своей тетрадью. И правда, Ольга Павловна прожила там более полугода после пожара на драконьей ферме, принадлежавшей напополам Вересову и Паскевичу. Но Платон Илларионович молил ее присутствия, — Евгению попадалось давеча то письмо — и Ольга Павловна вернулась.

Подобный тон удивлял Огнинского, как и разительная разница в стилях написания. Если вычеркнуть имена и под-

писи, то вполне можно было бы поменять стопки писем от жены к мужу местами.

Неприятно было лезть в чужие страсти, но тайны иначе не разведываются. И он достал следующее письмо.

После трех пополудни в кабинеты воротились Шаталов и Литке, все утро занимавшиеся полевыми наблюдениями.

— Я бы и не подумал, что уж настолько скоро и скромно похоронят. — Александр Литке с грохотом развернул стул и уселся на него в крайне вольной позе. — Они точно только и хотят убедить нас в наших подозрениях! Верно же говорю?! — негодовал он, хлопнув перчатками по столу.

— Отчет о присутствовавших, — Шаталов протянул Огнинскому листки, вырванные из блокнота для заметок. Сам Евгений на похороны идти отказался, поэтому пришлось довольствоваться отчетами.

Почерк у Григория Шаталова был посредственным, как и умение красиво выражать свои мысли. Юноша простого рода, девятнадцати лет, не попавший по «несчастливому» стечению обстоятельств в прошлогоднюю полевую экспедицию и вынужденно оставшийся в Петербурге при канцелярском отделе драконоборческого корпуса.

Евгений лично вызвался взять его в помощники. Григорий чем-то напоминал ему себя перед той самой первой вылазкой. Ответственный, точный, пусть и не сильно знатный, но воспитанный хорошо, скромный и мечтавший лишь о

холмистых степях Губерлинских гор, про которые, конечно, читал в дурацкой книжонке с мемуарами. Евгений был уверен, что, устрой он внезапный обыск апартаментов, она непременно нашлась бы у Шаталова под подушкой. Так же, как и был уверен, что не обнаружится она у Литке.

Совершенно иной типаж. Графский сынок, засидевшийся на простой канцелярской должности. По сложности своего характера и самомнения не попал в артиллерийский корпус и, дабы не вылететь с позором из армии, стараниями высокопоставленной родни был переведен к дракоборцам.

Огнинскому отчего-то вспомнилась ухмыляющаяся Ольга Павловна. Вот тут ее ехидство было бы уместно. Литке, скорее всего, никогда не отправится в настоящую экспедицию. Разве что в самую легкую из вылазок, разок, под строгим присмотром, вместе с такими же знатными сыночками и графскими внучатами. Отсидится в оренбургских отелях, пока труженики вроде Шаталова будут сновать по горам и логам, а потом, высоко задрав свой знатный подбородок, встанет в строй награждаемых Безглавым.

Евгению вдруг стало нестерпимо тошно. Может, Зов прошел не полностью, а может, воспоминания о наградной церемонии скovyрнули какую-то незажившую душевную рану.

«Определенно Зов», — подумал Евгений и, проигнорировав болтовню Литке, распорядился, какие документы нужно разобрать к завтрашнему дню. А потом, прикрывшись надуманными делами, вышел из корпуса.

Он купил в пекарне бумажный пакет с пышками, немного хлеба и зеленого лука и спустя четверть часа, опустив глаза, пробежал мимо служителей церквушки на Садовой. За небольшим храмом располагались казенные апартаменты для тех, кому не нашлось места в драконоборческом корпусе. Списанные. Доживающие.

Огнинский приходил сюда раз или два в неделю. Не сказать, что из душевной доброты или благих побуждений, нет. Ему просто хотелось, чтобы старшина видел его лицо. Не забывал. Так как лица его товарищей он увидеть уже не мог. Огнинский ни разу не сказал старшине, что тот был не прав. Ни разу не припомнил тот бессмысленный приказ. Да этого и не было нужно. Обычно Евгений отдавал ему сласти, грел молоко, они выпивали по стакану, и старшина, уставившись в потолок, всегда говорил, что вот-вот приедет за ним сестра и заберет его в поволжское имение.

Но сегодня койка пустовала. Огнинский смотрел на железную сетку без матраса и думал: «Странно. Неужто рассказы про сестру...»

— Вы пришли опять... — нежно прошептала девушка в грубом коричневом платье с белым фартуком и плотной козырьком на медно-рыжих волосах. Лицом она была похожа на ангела и голосом тихая. — Да вот только припозднились на денек.

— Родня забрала?

— Зов забрал, — тихо и буднично констатировала она.

— Ясно. — Евгений залюбовался ее темными глазами. —
А где же теперь?

— А теперь семья согласилась забрать. Заколотили в доски да отправили в Поволжье.

В соседней каморке кто-то завыл, и девушка выбежала, оставив Евгения наедине с кроватью без матраса. «А теперь семья согласилась забрать», — эхом отдались в голове ее слова, и Огнинский вышел прочь.

В Подвале было многолюдно. Зов по обыкновению приходил ко всем разом. Пили, смотрели кто в стену, кто в потолок и снова пили. Сначала тихо и молча, но чем ближе подкрадывалась полночь, тем шумнее становилось. В начале первого часа слышались шутки и смех, и, точно дожидаясь именно их, объявились женщины. Кто-то вынул скрипку и заиграл энергичную французскую мелодию. Освистали. Один из отставных залез на стул и задекламирровал стих, «дамы» разразились хохотом. А Евгению в который раз за день стало невыносимо душно. Перед глазами все еще пестрел образ кровати без матраса.

Во втором часу ночи, пошатываясь, Евгений вышел из трактира и побрел по каналу. Пакет с пышками он все так же прижимал к груди, не придумав, куда его деть. Кругом темно, а небо светлое, лиловое, да безумные чайки кружились с воплями над домами. Пройдя мимо моста, он свернул в сторону сада и у кованой оградки канала чуть не споткнулся о бродягу.

— Да как ты здесь, паскудник! — Евгений потер кисть, которую больно вывернул в попытке не распластаться рядом с оборванцем на брусчатке. — Перепил, что ль?

Юнец поднял глаза. Взгляд злобный, звериный, точно волком диким пялился. Где-то в животе у Евгения похолодело. Всю левую половину мальчишеского лица, от скулы через глаз и дальше на лоб, захватил черный витиеватый шрам.

Черные шрамы «звали» в разы сильнее, чем красные. Об этом Огнинский слышал в походах, когда ночью у костров шутили, что жизнь в отставке будет всяко лучше, чем у тех несчастных, что на фермах горбатятся.

— Ночевать есть где? — мигом протрезвев, осведомился Евгений.

Юноша кивнул.

— Отчего ж здесь тогда расселся?

— Не дошел, — как-то буднично пожал плечами тот.

Евгений прекрасно помнил первый год со свежим шрамом и то, как легко можно было вот так «не дойти».

— А ну-ка, давай поднимайся. — Он подхватил мальчишку под локоть и поставил на ноги. Худой, одет по-деревенски — в легкой тужурке, неплохо скроенной. Огнинский поднял картуз, валявшийся рядом на брусчатке, и водрузил парнишке на голову, а тот привычным жестом надвинул козырек поглубже, прикрывая шрам. — Звать тебя как?

— Тихон.

— А по батюшке?

— Просто Тихон, — нахмурился юнец.

— Ну бог с тобой, Тиша, на вот, — Евгений всучил ему пакет с пышками. Всяко лучше, чем собакам у дома скармливать.

— За что это? — недоверчиво уставился на него мальчишка.

— Да ни за что. Нес одному, да его давеча Зов доконал.

— А... — протянул Тихон. Тут объяснения были не нужны.

Он раскрыл пакет и разом съел две пышки. Евгений позволил себе улыбнуться.

— Тяжко было?

Юноша кивнул, без разбора сжевав и лежавший в пакете лук.

— Да уж. Ночка у всех беспокойная выдалась.

— День был не лучше. — Тихон уставился куда-то в край лилового неба за спиной Огнинского.

— Пошли. Чаем тебя угощу, раз уж встретил.

— С чего тебе меня угощать? — удивился мальчишка.

— Да день такой. Говорю же, вот пакет нес, а там уже и угостить-то некого.

Они просидели в Подвале почти до самого утра. Огнинский влил в юнца три стакана чая и выдал безвозвратно рубль, чтобы тот не оголодал окончательно. А сам продолжил выпивать, вполуха слушая, что там угрюмый паренек ему рассказывал. То же, что и у всех таких деревенских: сбе-

жал с Гатчины после пожара на бойне, думал в городе старика разыскать, который с устройством обещался помочь, да тот помер.

Огнинский что-то советовал ему про места, в которых можно работу посмотреть. Черные шрамы часто гудят рядом с тагма-механизмами, так что на фабрики путь заказан, если, конечно, ты не любитель боли и страданий. Без чтения и письма, а выяснилось, что паренек даже своих писем рекомендательных прочитывать не в силах, на гражданских должностях ему не рады будут. В извозчики можно пойти, но Тихон сказал, что лошади да зверье всякое его пугается. В итоге уже под утро Евгений вспомнил про общество «Гелиос» и порекомендовал мальчишке там показаться. Они совсем недавно достроили первую в городе ГЭС на северной стороне за большой Невой. И строили ее, руководствуясь техническим прогрессом, не используя «энергию жизней тварей божьих загубленных». Вода, пар, движение, ресурсная энергетика — вот чем они занимались.

«Секта, не иначе», — ворчал на них когда-то старшина.

— Часто шрам гудит? — любопытствовал Евгений на лестнице, когда они выходили из Подвала.

— Не часто, — смутился Тихон, точно вопрос был оскорбительным.

Евгений счел это странным: шрамы-то у всех гудят, чего стесняться? Дело ведь в «степени» — кто легко терпит, а кого в досках в Поволжье...

— В деревне все по-другому было. А здесь, — залепетал, точно оправдываясь, Тиша, — приехал только давеча, вот угол нанять успел и началось.

— Ясно.

Евгений потрепал его по голове и шагнул наружу, в утренний прохладный воздух. И от этого сладковатого запаха захотелось вдруг прожить еще тысячу вот таких лет, не меньше. Огнинский расправил плечи и довольно потянулся.

— Ну, бывай, Тиша. Удачи тебе с поисками.

Проснулся он с гудящей головой от настойчивого стука в дверь. Этот стук он распознавал в любых состояниях. Акси́нья. Одна из многочисленных теток.

— Чего вам? — крикнул Евгений, даже не пытаясь встать. Акси́нья зашла в комнату.

— Ожидают вас, — выговорила она как всегда с нервной злобой. — Разве гоже так?! Человек достойный, а вы на двадцать минут его оставляете.

— Какой еще человек? — Евгений с трудом поднял голову от подушки. — И как бы мне было известно, что ожидают?

— А кабы нет? Я вас звала! Не слышали? — ядовито прошипела она.

— Пойдите вон. Да скажите достойному вашему, что выйду вскоре.

Тетка хлопнула дверью, а Огнинский попытался привести в порядок мятую одежду, в которой уснул. В тазике на зер-

кале стояла та же вода. Он умылся, но лучше не стало. Только голова сильнее загудела. Но похмелье редко страшило отставных, всяко лучше, чем Зов. Да и ни капли не сравнимо.

Зайдя в гостиную комнату, Евгений вдруг застыл почти что в ужасе. Совсем не этого «достойного» человека ожидал он увидеть. С ровной, точно палку воткнули, спиной на диване сидел сам Павел Крамской.

«Где прокололся? Что, черт дери, здесь нужно Тайной канцелярии?» — Огнинский почувствовал, как по виску скользнула капелька пота.

— Доброго вам... обеда? — глянул на часы Павел Григорьевич, заметив застывшего в молчаливой панике Огнинского. — Слышал, в Подвале вчера многолюдно было.

— Бывают там и такие ночи. Прошу простить меня за бестактность и за то, что заставил вас ждать. Вот только чем обязан личному визиту? И личный ли это визит? — выпалил Евгений, так и не решаясь присесть в кресло.

В гостиную зашла Аксинья с подносом кофейных принадлежностей. Она водрузила его на столик и, наградив Евгения тревожным взглядом, выскочила из комнаты. Павел Крамской, ничуть не стесняясь, налил две чашки кофе и указал Огнинскому на кресло. И когда тот уселся, заговорил спокойным и дружелюбным тоном, делавшим его суровое лицо стократ злее, чем оно было:

— Мы выдали вам это дело в надежде на скорейшее завершение поисков. Но, если мне правильно понимается, ни-

чего «важного» в особняке не обнаружилось? Иначе ваш отчет давно лежал бы у меня на столе?

— Непременно так и было бы, — голос Евгения нервно дрогнул. — Как вы верно подметили, из изъятых документов и рукописей выходит, что ничего «важного» и не было.

Крамской грустно вздохнул и выпил кофе чуть ли не залпом.

— Ольга Павловна забежала ко мне вечером третьего дня. Жаловалась, конечно, на беспорядок, но не более, — загадочно улыбнулся он.

— К Ольге Павловне отнеслись по всем приличиям, ничем не оскорбили ее достоинства. Не ожидали просто, что с бала столь скоро воротится, — пожал плечами Евгений.

— Оленька умеет удивить, когда не следовало бы. С детства такой была. — Крамской попытался улыбнуться, но взгляд не подобрел даже при упоминании дочери. — Огнинский, мне известны ваши способности. Прошу вас лишь применять таланты без стеснения, не смущаясь родственными связями. Должно найти все, что было в разработках у Вересова, и как можно скорее.

— Тогда понадобятся бумаги на обыск иной собственности...

— Подписанные, у ваших помощников. Литке выглядит многообещающим юношей. Он и составит вам компанию в поездке.

— В поездке? — чуть не поперхнулся кофе Евгений.

— Отправляйтесь в Гатчину. Кстати, Ольгу Павловну я туда тоже отправил.

Евгений непонимающе поднял брови.

— Зачем же нам там Ольга Павловна?

— Даже не зная, что ищет, жена всегда скорее найдет все тайное, скрываемое мужем. У Оленьки талант к аналитическим изысканиям, — на этих словах он скривился, — несомненно, портящий любую достойную женщину. Но сейчас это, возможно, и сыграет нам на руку. Отправляйтесь немедленно. Литке ожидает внизу в экипаже.

Крамской встал и вышел размашистым военным шагом, а Евгений так и сидел с приоткрытым ртом да занесенной чашкой кофе.

«Гатчина», — всплыло название, с презрением произнесенное в ночи юнцом с покалеченным шрамом лицом.

— Вот тебе и дело на пару дней, — цокнул языком Огинский и отправился собираться в дорогу.

— Отправимся в путь-дорогу, — отсалютовал Литке ехидно. — Шаталов разворчался, что его всю жизнь будут в кабинетах оставлять.

— Может, оно и к лучшему, всяко дольше проживет. — Евгений уже собирался сесть в экипаж, как вдруг заметил силуэт, грациозно облокотившийся на угол дома. — Обожди.

Он подошел так, чтобы заградить стоявшего от окна экипажа. Но был уверен, что проныра Литке, конечно же, рас-

смотрел, кто внезапно объявился прямо у парадной начальника.

— Огнинский! Какая неожиданно приятная встреча, — развел руками Феликс.

Евгений понимал, почему дамы сходили по нему с ума. Утонченный, загадочный, одет баснословно дорого, по последней моде, но не броско, не аляписто.

Шрам вдруг засадило со страшной силой. Оно и неудивительно — Евгений был уверен, что и трость, и портсигар, и даже внутренние ремни жилета Феликса отделаны драконьей чешуей. Уж у него-то средства на подобное имелись.

— А знали вы, что в соседнем с вашим доме продают восхитительные вещички? Талантливый часовщик, да еще и мастер пламенных наук...

— Говорите, что надобно. Я спешу.

— Просто хотелось напомнить о нашем маленьком уголке и осведомиться, в курсе ли Павел Григорьевич на сей счет?

— Вы с ума сошли?! Конечно не в курсе! — почти прокричал Евгений, но быстро опомнившись, процедил дальше сквозь зубы: — А если выяснится благодаря вашим походам за восхитительными вещичками, то не сносить нам обоим головы! Убирайтесь прочь.

— За мою голову прошу не тревожиться, — оскалился лисьей улыбкой Феликс. — Приятной поездки. Давно не был в Гатчине, нужно бы тоже туда наведаться... — И грациозно

юркнул за угол, точно и не было его.

«Обзавелся какой-то новой выдумкой инженерной... Для армии бы так старались умники, как для богачей!» — злился Евгений, подходя к экипажу и раздумывая, как будет выгодно раживать себя перед Литке. Но этого не потребовалось.

Литке оживленно беседовал с премилой барышней, заплутавшей и выспрашивавшей дорогу. Евгению показалось, что она легонько кивнула ему и побежала в указанном направлении.

«Ну и дела», — думал Огнинский, садясь в экипаж. Мысли никак не приходили в должный порядок, и на выезде из города он вдруг осознал почему. Все это время где-то в глубине, смешиваясь с думами и вычислениями, гудел тихий голос Крамского, те самые его слова: «Ольгу Павловну тоже отправил в Гатчину».

Глава 3

Капли колотили по крыше черного экипажа. Ольга Павловна недовольно вздохнула, в сотый раз за последние четверть часа. Апрельские погодные сюрпризы ежегодно портили ей наряды и настроение, но сегодня она восприняла их как личное оскорбление. Омерзительное дополнение к постыдному бегству новоиспеченной вдовы из общества. Да еще и эти слухи. Многие сплетни успели ей шепнуть, несмотря на столь скорый отъезд из Петербурга. Все общество судачило о возможной нелояльности Платона Илларионовича.

«Бредни! — огрызалась Ольга. Большого патриота она в жизни не встречала. — Как же тогда все думы его?! Как же сердечко еженощно за Россиюшку болящее?!»

Ольга Павловна вздохнула в сто первый раз.

— Нет вестей, что там приключилось? — уставилась она на свою экономку, сидевшую напротив.

Марфа нервно вздрогнула и одернула полы простенького жакета.

— Так сказали же, Ольга Павловна, телега на мосту застряла. — Она притворно всмотрелась в мутное окно экипажа. С ее места моста с застрявшей телегой не было видно, ровно так же, как и с сиденья Ольги Павловны.

— Я вестями о починке интересовалась, не стройте из себя дуру, Лугина, — прошипела Ольга раздраженно.

Прошлые дни дались тяжелее, чем она представляла. А представляла она смерть мужа довольно часто. Платон Илларионович был старше на тридцать пять лет. И любой человек, просвещенный арифметическим знанием, а также статтями статистическими, в которых любили усреднять продолжительности человеческих жизней и приводить цифры по выживаемости в самых разных странах, ожидал бы этого траурного события еще несколькими годами ранее. Так и Ольга Павловна предполагала, да и планы строила, но жизнь, как всегда, удивила.

Она-то думала, что будет болезнь, трогательное прощание на коленях у постели мужа; утешительные визиты светской знати, во время которых она продемонстрирует высоты и тонкость своего вкуса, подавая чай в сервизах, точно подобранных под вехи научного творчества ее великого супруга. Дальше должны были быть похороны, отпевали бы в Исакие, и сам Николай с семьей бы прибыл. Всего на пару минут, конечно, но он бы подбадривающе и очень благопристойно похлопал бы Ольгу по предплечью и вышел затем столь скоро, сколь много дел и занятости у самодержца.

Но случилось все совершенно иначе.

Не попрощались. На удивление, именно это сильнее всего терзало Ольгу Павловну. Она была уверена, что придет в ярость от скромной церемонии, которую организовал отец, но нет. Стоя в лавре в душном трепете свечей, она посмотрела на такое уставшее и такое родное лицо, и все эти тре-

воги ушли, будто и вовсе из ее характера. Не попросились. Не помнила она, что именно сказала мужу, когда уезжал он в Ломоносов. Точнее, и дома ее не было в тот момент, увлеклась променадом с дамами на Невском. Хотя бы в вечер перед отъездом ужинали, но что тогда говорила она ему, тоже не помнила. Отчетливо виделось, как он тихой своей улыбкой отвечал на все ее негодования. А негодовала она отчего-то яростно, да вот только отчего — никак не вспоминалось.

Слезинка чуть не скатилась по щеке. Но Ольга сдержалась и лишь особо громко вздохнула еще раз, заставив Лугину нервно заерзать на сиденье.

— Вот тебе и рыцари, Марфа, вот и богатыри! Больше часа телегу с моста убрать не в силах! — не выдержав, раскричалась она и выпрыгнула из экипажа прямо под дождь.

Марфа с ужасом схватила плащ, оставленный в экипаже, и бросилась следом. Ольга моментально вымокла. Туфли были загублены, волосы прилипли ко лбу и щекам, нос покраснелся.

«Но это ливень всему виной, а не какие-то там сентиментальности». — Ольга выдернула платочек, припрятанный под манжетой, вытерла щеки, промокнула нос. Самое бесполезное, что может сделать дама под проливным дождем.

Двое мужиков уставились на нее, точно это был очередной благородный ритуал, о котором они и не слыхивали. Ольга смирила их гневным взглядом.

— Да батюшки! Совсем же измокли! — взвизгнула Лугина, подлетев к ней и накинув на плечи плащ, раскрыла зонтик. — Ольга Павловна, в Гатчине с простудой слечь — не самая светлая идея. Воротимся в экипаж?

Ольга лишь задрала подбородок.

— Почему долго так возятся на мосту? Почему...

Ее прервал стук копыт. Двое коней, пролетевших на полном скаку, обдали грязью из-под подков всех стоявших подле экипажа. Ольга завороженно уставилась на клок земли, медленно сползший с плеча и громко шлепнувшийся обратно в лужу. Загублено французское пальто.

— Ты ж окаянный! Что делаешь?! — вскрикнул один из мужиков. Второй быстро хлопнул его по плечу и указал на что-то. Оба резко замолчали.

Ольга пригляделась. Красные мундиры.

Один из всадников развернулся и подъехал к ним легкой рысцей. Мужики тихо ворча зашагали к мосту.

— Дамы, извинения приносим-с. Спешили по очень срочным поручениям, да вот вас и не заметили. — Он небрежно приподнял фуражку. — Младший офицер первого драконоборческого корпуса Александр Литке. К вашим услугам. А вы, осмелюсь справиться?

— Не ломайте комедию, Литке. — Ольга вышла из-под зонтика и так целеустремленно зашагала к мосту, что лошадь под офицером дернулась, сторонясь и пропуская даму.

— Ну, ну. Тише, тише, — успокаивающе погладил Литке

кобылу. — А вы, стало быть, мадам Лугина? — обратился он к экономке, застывшей под зонтом. — А мы как раз и спешили вас догнать да с Ольгой Павловной побеседовать. Долго ли здесь уже?

— Да почти второй час стоим. — Марфа заозиралась по сторонам и, завидев Ольгу, поспешила следом. — Не лучшее время для бесед вы подгадали. Ой не лучшее.

— Да уж вижу.

— Как посмели вы?! — раздался женский вопль в толпе, собравшейся у моста.

Литке с тревогой уставился на Огнинского. Тот и так мечтал о скорейшем окончании этого дня, а теперь и вовсе застыл со смесью удивления и мольбы на лице.

Поездка их не задалась с самого начала. Не доехав десяти шагов до городской заставы, у экипажа раскололось колесо, завалив всю конструкцию на бок и обсыпав сидевших битым стеклом. Но Огнинский наотрез отказался возвращаться — уж больно не хотелось ему тянуть с отчетами и снова встречаться с Крамским. Выгрузили все необходимое, доволокли до заставы и обязали караульных отправить с первым почтовым дилижансом. А сами взяли лошадей да отправились верхом. Но только выехали на проселочную дорогу, как полил дождь. Останавливаться ночевать на постоялом, не добравшись от силы десяти верст до Гатчины, ой как не хотелось, как и ноги ломать казенным лошадям по темноте. Поэтому и гнали что есть мочи.

— А вы-то здесь откуда?! — опешил Огнинский, застряв в рукаве мундира. Наконец справившись, он закинул его на седло и, закатав рукава легкой рубашки, всучил поводья Ольге. — Подсобите, раз уж сами объявились.

Ольга Павловна так много разом хотела ему высказать, что забыла все слова одновременно. Так и застыла с приоткрытым ртом. Евгений же, скомандовав что-то мужикам, которые невпопад раскачивали завалившуюся на мосту телегу, помог разгрузить и сложить мешки да ящики рядом с ней. Дальше взяли бревно, разобрали боковины и, навалившись по двое, поставили телегу ровно. Пока толкали, каждый раза по три попадал да перемазался.

Евгений снял вымокшую рубашку и закинул ее на седло к мундиру. Ольга почувствовала, как подкашиваются ноги. Огромный красный шрам, глубокий и четкий, расходился по всей левой стороне его торса. Начинаясь рубцовой вмятиной на плече, он ветвился молнией через грудь на живот, а несколько лучиков убегало на спину чуть ниже талии. Ольга сжала поводья. Он был восхитительно прекрасен, этот шрам. Какая же несправедливость, что на таком «владельце»!

Телегу протащили, освободив мост. Огнинский воротился, потянулся было за рубашкой, но Ольга схватила его за руку.

— Давно ли у вас этот шрам? — Она приблизилась, совершенно не смущаясь всех взглядов, разом брошенных на эту сцену. Она теперь вдова, чего ей смущаться?!

— Давно, — буркнул Евгений, вывернув руку, схватил рубашку и быстро оделся. — А то вы же и думали, что просто так Безглавым наградили.

— Оставьте, — отмахнулась она. — Не хуже меня знаете, как у нас награждают. На всю Сибирь столько Диких не осталось, сколько в год орденов выдают.

— Сколько-то осталось, — пожал плечами Огнинский, натягивая мундир. — Есть, впрочем, и те, кому по заслугам присуждают.

Ольга вдруг посмотрела ему прямо в глаза. Не так, как смотрела недавно из мутного темного зеркала, стоя в красных одеждах. А еще более злобно. И как-то обиженно.

Евгений нахмурился.

— Неужто вы при таком-то муже Диких жалеете, Ольга Павловна?

— Кого я жалею, а кого нет — дело не ваше. Просто не верится, что трое на счету.

— Ну-с, тут вы правы, конечно, что не верите, — хмыкнул Евгений. — Своими руками одного только загубил. С двумя помогал, но записи делают на весь отряд. Дикий — это вам не медведь какой-то. В одного разве что богатыри былинные ходили, да и то, сказки это. Не верю я в такое после того, как побывал...

— И как же? — перебила Ольга его размышления.

— «И как же» что?

— Как вы убили дракона? — нетерпеливо пояснила она.

— Застрелил.

После освобождения моста тронулись быстро. Экипажи, столпившиеся змейкой, прогромыхали по доскам и разъехались, всадники в красных мундирах унеслись куда-то вперед. До Гатчины добрались глубокой ночью, уставшие и замерзшие. Ольга мечтала лишь о горячей воде и истопленной изразцовой печке в гостиных комнатах.

Удивительно, как самые простые бытовые невзгоды вытесняют мысли, должны занимать весь разум. Ольга хотела поразмышлять и о делах, оставленных почившим супругом, и о том, какое отношение к этим всем делам теперь имеет отец, и о том, почему именно драконоборческий корпус назначен на расследование. Ведь если Тайная канцелярия подозревает в нелояльности или, боже упаси, шпионаже, то были бы их молодчики, а здесь военные... Значит, оружие? То, в котором разбираются именно красные мундиры.

Но любые думы Ольги сначала спотыкались о тот самый красный мундир, легко закинутый на седло, а затем — о шрам, разбегавшийся от плеча по груди. Он немного сиял алым в ее воспоминаниях. А дальше мысли разбивались о холод отсыревшего платья. Как же она жаждала поскорее положить ладошки на изразцовую печеньку!

Ольга размяла замерзшие пальцы и подняла взгляд на экономку.

— Вот-вот приедем, близко совсем. Анисимовых летние дачи проехали, а значит, ваше имение следом.

На ступенях дома встретили дворовые. В поместье на зарплатах существовало около пятнадцати душ, а еще небольшая деревня с посевными полями и наемным трудом. Раньше имение процветало за счет драконобойни, но она сгорела пять лет назад, и большинство жителей перекочевали в города или соседние села на заработки. Вересов не собирался восстанавливать ферму и говорил что-то про использование реки, как помнилось Ольге. Вроде даже встречался с кем-то, но все эти дела она знала очень поверхностно. А теперь, в окружении людей, ждавших ее прибытия, на миг потерялась. Что же ждут они? Каких слов?

— Горюшко-то какое! — вдруг взвыла кухарка, а несколько женщин и мужчин закивали и зашептались. Кто-то перекрестился.

Простые люди любили Платона Илларионовича куда больше, чем светские подлизы. И хоть Ольга никогда не разделяла его ответных к ним чувств, сейчас вдруг ощутила потребность поговорить с ними так же, как говорил бы он. Да вот только от решимости этой слова подбираться лучше не стали.

«Как же он всегда это делал? — недоумевала она. — Так просто да с душой... Эх, уже же так близко изразцовая печенька была...»

— Милые мои, велико горе на порог к нам пожаловало, — громко начала Ольга, оглядев собравшихся. — Но знайте,

похоронили достойно, и дела его брошены не будут...

— Так говорят, изменник... — неуверенно шепнул кто-то в толпе.

— Кто посмел сказать? — сорвалась на крик Ольга, как лучинка вспыхнув яростью, копившейся все эти дни. Она гневно схватила ближайшего юношу за рубашку. — Ты говоришь? Или, может, ты? — ткнула она в плечо курносой румяной девчонке.

Толпа отступила на полшага, точно боясь заразиться безумием. Ольга сделала глубокий вдох. Глаза щипало от обиды и разочарования.

— От кого еще услышу подобное — высекут. И не посмотрят на образцовую службу.

Она горделиво развернулась и зашагала по ступенькам, окончательно убедившись, что разговоры вне богато обставленных гостиных не ее сильная сторона. Пройдя мимо управляющего, стоявшего чуть поодаль от всех, почти у самых дверей, она тихонько шепнула:

— Известно ли вам, Федор Аркадич, кто слухи пустил?

— Так оно же, Ольга Павловна... Так разве ж слухи? — испуганно промямлил управляющий.

Он приступил к делам поместья пять лет назад, ровно после того, как предшественник его, а по совместительству и отец, погиб в пожаре на драконобойне. Платон Илларионович, несмотря на все возражения Ольги относительно отсутствия у юноши каких-либо талантов к управленчеству, на-

значил его руководить именем. И убеждал Ольгу, что юноша худо-бедно справляется.

Услышав слова управляющего, Ольга задрала брови, готовая разразиться истинной и недостойной истерикой на них всех.

— Мундиры красные в доме поджидают, — зашептал он заговорщически. — Документы досматривают. Вот и как же ж это слухами-то называть? Если офицер заявляет пряме-хонько?

— Какой из офицеров заявил? — спокойно осведомилась Ольга. Злость и волнение как рукой сняло.

«Нет ничего хуже неизвестности. Узрев лицо врага, единственное, что остается — его победить», — говаривал отец.

Хищно улыбнувшись, Ольга приблизилась к управляющему и шепнула тихим голосом, в котором переливчато звенела сталь:

— Скажите мне сейчас дословно, Федор Аркадич, какой из офицеров? Тот, что постарше, или тот, что помоложе, да с глупыми своими усами слухи подобные распускает? А после того, как припомните все слово в слово, спуститесь с крыльца и растолкуйте люду, что слухи да и только. Муж мой был величайшим ученым, многое делал и для армии. Важное, секретнейшее! — потрясла она замерзшим пальцем прямо перед испуганным лицом управляющего. — Будь вы армейским генералом, который вложил столько сил и средств в разработки тайные, после гибели прискорбной единственно-

го человека, что в них сведущ, как бы поступили? Неужто оставили бы все на молодую вдовушку?

— Нет же! Нет же, Ольга Павловна, прислал бы людей поболее меня сведущих и...

— Вот и в Петербурге так порешали. Видите, как получается, Федор Аркадич, не ошибся в вас муж мой. И правда, аж по-столичному умны. Так вот идите и растолкуйте, что исследование это и связано только с секретными разработками, с теми, которые должны быть скореейше найдены и изучены научно. Вот достойнейшие из дракоборцев этим-то и занимаются.

Управляющий закивал и бросился с крыльца. Но Ольга его окрикнула:

— Какой из офицеров? И что дословно вам наговорил он?

Офицеры удобно расположились на диванах в гостиной первого этажа. Огнинский увлеченно листал учетную тетрадь в темно-бежевом бархате.

«Документы времен погорелой фермы, — опознала Ольга Павловна. — Из верхнего кабинета. Правый шкафчик. Уже, значит, обшарили да вниз все спустили».

Литке, вальяжно развалившись, перекидывал через руку отдельные пергаментные листы, особо не вчитываясь. Ольга на мгновение захотела разразиться воплями, но, увидев любимую печку, рябящую зелеными узорами на нежной светлой глазури, молча прошла через гостиную и прижала руки к теплым, даже горячим плиткам.

«Как же хорошо», — испугала ее собственная мысль.

Она напомнила себе обещание, в раннем детстве данное, что «никогда больше не будет довольствоваться малым», поддержала руки на печи еще немного и развернулась к драконборцам.

Литке улыбался высокомерной улыбкой. Той, которой обычно особо знатные юноши одаривают смазливых и глупых барышень. Ольга сделала вид, что не заметила его ужимок, и уставилась на Огнинского.

— Надеюсь, приняли вас радушно и предоставили все необходимое? — холодно поинтересовалась она.

Евгений вынул из внутренних карманов бумагу и приподнял ее, зажимая меж пальцев. Ольга почувствовала, как ярость разогнала кровь, в момент согрев руки куда лучше изразцовой печки. Ей понадобились все манеры и воспитание, чтобы спокойным, очень медленным шагом подойти к офицеру и взять протянутую бумагу.

Она не стала читать. Незачем. Сам почерк — аккуратно выверенные завитки после каждой буквы «у» и шапочки над строчной «п» — говорили ей более, чем смысл слов, в предложении увязанный. И росчерк, сдержанный и холодный, под печатью с драконом. Что бы там ни было написано, все сыграет против нее.

«Признай, что твое положение фатальное. Что обоз с припасами не подъедет, и кавалерия не вывернет с фланга. И вот когда ты поймешь, что помощи ждать неоткуда, что рас-

четы провалились и войска брошены на погибель, вот тогда и начнут открываться призрачные возможности. Местность, погода — любой ресурс, что человеческий, что огненный, используй на эту последнюю надежду», — учил как-то отец брата после провальной охоты. Правда тот все равно витал в облаках, а вот Оленька, в отличие от него, слушала.

Она сделала вид, что внимательно изучила бумагу и, нежно свернув ее, протянула обратно, улыбнувшись третьей из своих любимых светских улыбок. И с радостью заметила то самое глупое выражение, мелькнувшее на лице Огнинского. Никакие инженеры или церковники никогда не смогут разгадать магию робко глянувших из-под ресниц чуть влажных и потерянных девичьих глаз.

Огнинский свел брови, а Ольга Павловна, поймав момент замешательства, метнулась голубкой и со всей элегантностью невесомых барышень мгновенно оказалась сидящей подле него. Да намеренно так близко, что будь он молодым юношей, она бы точно разглядела всю красноту его щек.

Но Огнинский смотрел на нее холодом уставших глаз. Полюбовавшись их льдисто-синим оттенком, Ольга сочла его вполне приемлемым противником и, отыграв классическое «в угол, на нос, на объект», вдруг заговорила с Литке:

— Александр Михайлович, как матушка ваша поживает?

Литке недоверчиво уставился на Огнинского, проямлил что-то про поездку матери в Италию и явно растерялся от необходимости вести светскую беседу.

«Любезничать не собираются. Неужто и правда что-то настолько серьезное?» — У Ольги испуганно заколотилось сердце.

— Вам Платон Илларионович не сообщал случаев о бумагах, переданных ему на разработки Дмитрием Скворцовым? — вкрадчивым тоном спросил Евгений.

— Нет. Имя в первый раз слышу. Это кто-то из московских ученых? — небрежно хмыкнула Ольга. Это имя она слышала. Хоть и всего единожды, да вот только не от мужа.

«Как интересно все складывается!» — чуть не ахнула она, вспомнив, как рукоплескал Сандро в той самой наемной квартире, хвалясь, что представил Николаю концепцию новых тихоокеанских крейсеров, которые спроектировал некий Скворцов. Да вот только не был Сандро достаточно сведущ ни в драконьем жаре, ни в тагма-искусстве, потому и обратился к Платону Илларионовичу. С высочайшего, конечно, дозволения и согласования всех министерств. А произошло это ровно в год, когда погорела ферма.

Ольга присмотрелась к учетной книге в руках Огнинского и уловила, как уголок его губ еле заметно дернулся, поймав ее взгляд.

— Ольга Павловна, а известно ли вам что-либо о встречах вашего супруга с представителями акционерного общества «Гелиос»?

Литке заерзал на диване, а Ольге никак не удавалось опознать документы в его руках. Но страшнее всего было то,

что она не могла решиться, как поступить дальше. Отстаивать репутацию Вересова? Отрицать любые причастности? Сколько им уже известно? И главное — что достоверно известно ей самой?

— Что именно вы ищете в его документах? — «под вистующего с тузующего» решила Ольга зайти с самого старшего из имевшихся вопросов.

— Об этом не положено...

«Сбросил, — мелькнуло у Ольги. — Неужто не в масть?»

— Вы знаете, Евгений, — перебила она, не желая разыгрывать следующий ход. — Вы правы, конечно, про «не положено», простите дуру грешную. Со всеми этими бедами почти что помutilась. И правда же, чем может помочь вам женщина? Рассказать разве что, какие костюмы ему из Франции выписывала. Вы знаете, Платоша совсем модами не интересовался. Ни тканями новыми, ни уютom. Вот даже печку эту... — Она отточенным движением грациозно махнула рукой, озаботившись, чтобы складка нового черного платья на плече не ускользнула от его внимания. — Он реставрировать годами отказывался, пока, кстати, по совету матушки Александра Михайловича из Италии мастера не выписала. И все сама! А теперь что же? Чем же помочь мне вам? Как имя доброе сохранить его?

— Не об имени вам бы сейчас переживать, — вдруг вставил Литке, за что был награжден суровым взглядом Огнинского.

Ольга подметила, что на нее он смотрел иначе. «И пусть. Начинать стоит с малого».

— Вы бы помогли, Ольга Павловна, если бы отыскиались документы, совместно со Скворцовым разработанные. Или, может, известно вам, где муж ваш особо важные бумаги хранил?

— В кабинетах второго этажа в особняке в Петербурге, — очень участливо выпалила Ольга, сочтя, что досмотренный кабинет ничем не ухудшит расклад у нее на руках. Ведь если в Гатчину наведались, значит, в Петербурге нужных документов не нашлось.

— Ясно, — почесал Евгений легкую щетину.

— Долго ли планируете досматривать здесь документы? — Она взяла тетрадь со столика, но Огнинский выхватил ее и положил обратно в стопку.

«Видимо, с этим помощи от меня они не ждут», — улыбнулась Ольга Павловна.

— Мы сообщим вам, как только управимся. А пока, коли не в силах помочь, то хоть не мешайте.

— Располагайтесь как вам удобно. А я, пожалуй, отправлюсь в имение к Анисимовым, дабы следствие ваше не смущать. Они всегда радушно нас принимали. Если возникнут у вас вопросы какие или потребности, прошу, обращайтесь к Федору Аркадичу без всяких стеснений.

Ольга встала и вышла, и офицеры ее не остановили, что немного порадовало, но не слишком сильно. «Уж не сегодня,

так завтра», — ругала она себя за внезапное и ничем не подкрепленное чувство облегчения.

Часом позже она смотрела из окна второго этажа дома Анисимовых на свет в кабинетах мужа и никак не могла представить, что же делать дальше и как жить хотя бы завтрашний день. Прошлая жизнь закончилась. Счастливые девять лет.

Ютясь на узкой и неудобной гостевой кровати и рассматривая беленый потолок, она вспоминала, как Платон Вересов объяснял ей, еще совсем юной девушке, принцип пламенного жара, устроенного чешуйкой в лампе-ночнике. Масло, залитое в стекло, чуть бурлило, окрашивая пузырьки радужно-перламутровыми переливами, и оттого излучала та лампа нежно-фиолетовое свечение безо всякого огня.

В его устах это звучало так просто. А сейчас она не могла вспомнить даже основной принцип. Все мироустройство и вся будущая жизнь их в его устах всегда звучала элементарно и логично, а теперь...

Ольга встала с кровати и, накинув на лампу плотный плед, погрузила комнату в темноту.

А теперь ей со всем придется разбираться самой.

Путру прибежал Федор Аркадьевич с жалобами, какой беспорядок учинили за ночь драконоборцы. Полы в кабинетах ковыряли, шкафы двигали, даже обои подрали в некоторых местах. Он оставил, конечно, двух несчастных горнич-

ных прибираться, да мастера выписал из Петербурга, только когда тот пожалует, бог его знает. Вот и прибежал, дабы Ольга Павловна не получила удар при виде дома в таком ужасном состоянии.

Ольга выслушала его спокойно и любопытствовала только, в имении ли доселе офицеры.

— Поспали немного, опосля побесчинствовали на рассвете, а как десятый час пробил — убыли в гостиницу.

— И все? Не воротятся боле? — Ольга глотнула обжигающего чая. Фарфор у Анисимовых всегда был на самом достойном уровне, что, несомненно, улучшило настроение, подпорченное вчерашними приключениями. Да и на улице распогодилось, на летней веранде чаевничать — одно удовольствие.

— Да разве ж, Ольга Павловна, отчитываться они передо мною будут? С таким-то декретом подписанным.

— И правда, не станут. А документы? Многое забрали?

— Сложили стопками у дверей. В руках только тетради были, когда уходили, но совсем и немного.

— Значит, может, и воротятся за оставленным, — задумчиво протянула она.

— Я, собственно, зачем к вам пожаловал, Ольга Павловна. Вы если день-два дадите нам, мы все мигом подготовим и в приличное состояние комнаты вернем.

— Федор Аркадьевич, состояние комнат меня сейчас в последнюю очередь трогает. Вы начните со спален и залы

обеденной, а боле мне ничего и не требуется. Во времена сложные нужно сильной и стойкой быть и довольствоваться положенным. — Она улыбнулась приторно и притворно, не таясь совершенно, чтобы с десяти шагов понятно стало, что вчерашний позорный ее приезд не забыт и уж тем более не прощен.

Управляющий, конечно, прекрасно понимал, что говорит она это все только в рамках приличий и что срок ему выдан до вечера привести дом в достойное состояние. Ольге доставляли удовольствие выражения, друг за дружкой мелькнувшие на его лице. Она даже на мгновение задумалась о благородстве и о том, что не будет придирааться, проходя по разгромленным кабинетам. Но вспомнила толпу у крыльца и это их трусливо выкрикнутое: «так изменник же», и решила, что отыграется вечером за все обиды, до этого полученные.

Но сидеть в поместье Анисимовых весь день не хотелось. Здесь решительно нечем было заняться. Много детей и их нянек, часть комнат к сезону не готова, сады в упадке после снежной зимы, рояль и тот стоял в летней витражной галерее еще чехлами покрытый, не говоря уже о музыкантах, которых Анисимов выписал только к середине мая.

Ольга Павловна окликнула управляющего, уже развернувшегося уходить.

— Вы пришлите мне в сопровождение кого-нибудь, на кого положиться можно. Мы с мадам Лугиной после завтрака поедем свечей поставим за Платошу, да ферму осмотреть

желаю, что случилось с ней после пожара.

Не в пример погожему утру, после полудня небо затянуло серыми низкими облаками и заморосил мелкий дождь, никак не решаясь пролиться сильнее. Ольга Павловна, подбирая черные юбки, спустилась с высокой двуколки, следом за ней вылезла и Лугина.

С козлов бодро спрыгнул один из мужиков, сосватанных Федором Аркадьевичем в сопровождение. Прилично одетый, светящийся неподобающей бодростью для таких годов сельский учитель. Ольгу сразу отвратила его манера невпопад нервно сыпать витиеватыми предложениями.

«Уж лучше бы молчал», — подумала она, намеренно пропустив имя мимо ушей.

Втроем протиснулись в покосившиеся ворота. Ольга прошла по каменистому грунту. За пять лет не выросло в этом месте ни травинки. Только стены из фабричного красного кирпича и железные заборы, оплавившиеся от драконьего пламени, стояли теперь как безмолвные свидетельства той катастрофы. Сердце замерло.

Как же она мечтала попасть сюда, когда здесь жили драконы. Но муж был против. Это, наверное, было единственным, что он запрещал Ольге за почти десять лет брака. И ни ссоры, ни уговоры, ни обращения к влиятельным товарищам так и не помогли ей добиться его одобрения. Женщинам на

драконьи фермы путь был заказан. Как и на кадетские места в драконоборческих училищах, как и на должности в инженерных корпусах, работавших с драконьим жаром.

Ни разу в жизни Ольга не видела дракона. Ни живого, ни мертвого. И даже на тех двух несчастных, содержащихся в Императорском зоопарке, ей не довелось посмотреть, хоть она и молила сначала отца, а после мужа.

«Негоже благовоспитанным девицам из светлейшего общества на гибридную породу глазеть», — раз за разом получала она отказ.

То ли дело Дикие. Но увидеть Дикого было столь же невозможно для светской дамы, как повстречать, например, кашалота или синего кита, да и столь же опасно. Говорят, сама Екатерина Великая однажды снарядила экспедицию в степи Губерлинских гор и повстречалась там с драконом. На почтенном, конечно, расстоянии, но все же. А все, на что могла рассчитывать Ольга, — иллюстрации в различных научных книгах, которыми был заставлен кабинет ее почившего супруга. Да та самая ненавистная картина Сурикова «Налет Змия на Москву».

Стоя у полуразрушенного краснокирпичного здания, Ольга воображала, как бы тот огромный дракон с полотна Сурикова смотрелся на этих стенах. Вальяжно расставил бы и потянул перепончатые крылья, сжал когти, обвалив несколько кирпичей. А потом, вытянув длинную грациозную шею, издал бы визг такой громкий и такой манящий, точно

сотни соловьев запели бы самую высокую ноту, призрачно маячившую за правым краем фортепианных клавиш.

Ольга ощутила, как подрагивают кончики пальцев от этого воображения. В ее мечтах драконы всегда были прекрасны. Наваждение оборвал дождь, все же решивший разродиться ливнем.

Ольга с сопровождающими бросилась к двуколке. Школьный учитель все жужжал над ухом, что, мол, вымокнут они целиком на пути к поместью, а потому пришлось согласиться укрыться от бури в близлежащем доме. Нехотя конечно, лишь бы избавить себя от этих причитаний. «Мужчина, испугавшийся дождя...» — гневно выдохнула она и осмотрела предложенное укрытие. Сруб местного старца, неведомым чудом не пострадавший при пожаре, стоял одиноко подле заборов фермы.

— Бабы местные ходят к нему поголовно за советами. Говорят, ему уже под столетие. Об Алексие Никифоровиче и в Петербург сообщали, и с визитами бывали, даже из князей, — затараторила Лугина шепотом Ольге на ухо, пока они проходили в покосившуюся избу.

Ольга частенько бывала в сельских избах с самого детства и, может, оттого эта показалась ей слишком сомнительной, какой-то неправильной. Не жилище, а алтарь для одного человека. В дальнем от входа углу стоял грубо сбитый из досок стол, за которым восседал старец. Да так удачно, прямохонько против окон, в которые днем солнце светит. По бокам

от него расходились лавки, на которых ютились деревенские бабенки и смотрели на старца, точно он сам из себя какой-то пророк.

— Ольга Павловна, — взволнованно шепнул учитель, возвратившись к ним от стола старца. — Не принято у него без приглашения разговаривать. Даже то, что знатная вы, не посмотрит, и на горе недавно вас постигшее внимания не обратит. Человек он странный, непоследовательный, я объяснил ему, мол, дождь нас во время осмотра фермы застал, а он вдруг дал согласие. Говорит, обождать нам немного нужно со всеми наравне, и примет вас.

Учитель сиял так, точно выбил для Ольги должность в почетных фрейлинах у императрицы. Она хотела сказать, что достаточно в жизни наслушалась советов от старых и непоследовательных мужчин, но отчего-то передумала.

— Ну, значит, обождем со всеми наравне, — кивнула Ольга, чем привела Лугину в какое-то недоумение, показавшееся ей очень забавным. — Прикройте рот, Марфа, прошу вас, и садитесь уже. — Она улыбнулась экономке и грациозно опустилась на одну из лавочек, рядом с женщиной, тоже одетой во все черное.

Лугина и учитель и уселись на лавку у противоположной стенки и озадаченно уставились на нее.

— Соболезную горюшку вашему, Ольга Павловна, — заговорила спокойным шепотом женщина. — Хорошим человеком Платон Вересов был. Но Господь всегда лучших к се-

бе прибрать спешит. Вы не тревожьтесь, пройдут и невзгоды, и печали пройдут, а он за вами присмотрит. — Женщина погрозила пальчиком потолку, а Ольга так и не поняла, кого именно из «них» она имела в виду.

— Не припомню имени вашего. Встречались мы уже с вами?

— Да встречались, конечно. Правда, было это давехонько, когда вы только после свадеб столичных в поместье воротились. Сын мой Тихон тогда на ферме работал, а дочка в помощницах у кухарки бегала. Вот мы и гуляли вместе со всеми у Платона Илларионовича на празднестве. Анисьей меня звать, куда ж вам упомнить, коли и не называлась я тогда.

— Часто сюда приходите? — сменила Ольга тему, не желая погружаться в воспоминания.

— Почти каждую неделю пороги обиваю, только Алексей Никифорович не принимает меня.

— Отчего же не принять? — удивилась Ольга.

— Да говорит, что и сказать ему мне нечего.

— А спрашиваете вы о чем?

Женщина вздохнула и, развернувшись, заглянула Ольге прямо в глаза. Круглолицая, с нежным и каким-то уставшим взглядом.

— Раньше про мужа все спрашивала. Ушел в солдаты, да пропал много лет назад. Теперича про сына спрашиваю, только ответов никак не найдется для меня у старца. Сама и не знаю, зачем хожу, ноги точно сами ведут.

— А сын ваш? На ферме если работал, в пожаре, значит, сгинул?

— Нет, нет! Боженька упас хоть от этого. Пожарище-то Тиша пережил. Да вот, получивши отметину, совсем в разуме помутился. Разговаривать перестал, а раньше и книжки читал и даже писал худо-бедно. Учитель-то вон, с вами который, нахваливал его по малолетству... А как пожар случился, так Тиша год лежал, молчал, а потом ползал точно сам не свой. Я его и врачам на последние деньги показывала, все без толку. Пока Платон Илларионович к нам не заехал как-то, побеседовал с ним, и точно лучше стало ему: Тиша заговорил, ходить начал, даже в Петербург захотел отправиться. Он-то и отправился, супруг ваш ему письма рекомендательные выписал. С неделю как уехал.

Она вздохнула и уставилась куда-то в красный угол над головой старца.

— Так о чем же вы пытаетесь у Алексея Никифоровича выпросить? — не поняла Ольга. — Коли в Петербург Тихон ваш отправился, нужно адрес сыскать и с кем-нибудь, кто туда наведывается, передать вести. Не письмом, так хоть устно.

— Да нет же, Ольга Павловна, не об этом совсем сердечко материнское тревожится, — печально покачала головой женщина.

— А о чем же?

— Кажется мне, что это уже и не мой Тиша. Точно бес

огненный в него в том пожаре вселился. Уходил на ферму один, а воротился другой. И все твердят, что виной всему шрамы черные, что такое случается с теми, кто ими обзавелся — и характер меняется, и привычки. Но знаете что? Сердце материнское ведь не обмануть! Любила я Тишу более жизни своей, а на следующий день после пожара перестала. И ненавижу себя за это, и свечи ко всем святым в церкви ставила... Отказалось сердце мое от него. Да и славно, что уехал. Хоть выдохнула.

— Какой же ответ вы от старца-то хотите услышать?

— Да как же какой? Хочу, чтобы он сказал мне, хороший ли я человек. Мужа Господь прибрал, сына пламяшко забрало, а я вот на лавках так и сижу. Никто меня не прибирает.

— Так и я с вами здесь на лавках сижу, — выдохнула Ольга. — А знаете что? Не нужно вам от старца никаких ответов. Живите, как живется, да в завтрашний день не лезьте. Так он и сам за нами придет.

Ольга встала и сжала узловатые грубые ладони Анисьи.

— Коли хочется вам хорошим человеком быть — просто будьте. Дочка-то ваша жива? — Женщина кивнула, заливаясь слезами. — Вот ей сердце свое материнское и оставьте.

Ольга развернулась и вышла из избы.

Ольга уселась в рабочее кресло мужа в разгромленном кабинете, воображая, как бы он рассмеялся, зайдя вдруг сейчас в комнату. Но он больше не рассмеется. Она нежно поглади-

ла краешек стола. Любила она Платона Вересова как друга, как отца, как самую доверенную свою душу. Обо всем могла рассказать ему, особенно когда смотрел он на нее своими добрыми и светлыми глазами. А он внимательно слушал, даже когда она заваливала его сплетнями глупыми, что казались невероятно важными, а спустя неделю и не вспомнились вовсе.

Ольга закрыла лицо ладонями и в голос разрыдалась. И даже и с этим она опоздала. Не попрощалась как положено. «Но и это ничего», — решила вдруг она и схватила со стола нож для писем.

— Над памятью его светлую не позволю издеваться! — прорычала она, вытирая слезы рукавом траурного платья. — Ни драконоборцам, ни Сандро, ни самому Николаю!

И вогнула нож в ножку стола, обрамляющую внутренние ящики. Покачала туда-сюда и, чуть навалившись, с хрустом отщелкнула тайник. Вытащила расковырянную внутреннюю часть и высыпала на стол все, что хранилось там.

В мелком тайнике обнаружилось с десяток бумаг, плотными квадратиками сложенных, да какая-то латунная сфера. Со скошенными гранями, выгравированными кругами, черточками и символами на латыни. Станный этот предмет напоминал игральную кость, только слишком многогранную для какой-либо из известных Ольге игр. Повертев в пальцах, Ольга спрятала сферу в карман платья и развернула документы.

Щеки полыхали, пока бежала она в апрельской ночи по темной улице, сжимая пальцами листы. Гостиница отыскалась практически сразу, а вот с хозяином пришлось долго ругаться, пока он не слишком воодушевленно согласился провезти ее на второй этаж к комнате, нанимаемой офицером.

— Еще стучите! — накинулась Ольга на хозяина, когда никто не открыл.

— Да как же?! Ночь же на дворе! Спят. Не откроют. Вы бы завтра с утра воротились да все бы передали.

— Стучитесь, говорю вам! Сведения срочные. Потом вам же и попадет, что до утра такую бумагу важную оставили.

Хозяин постучал снова, и в комнате слышалось ворчание, а следом распахнулась дверь. Огнинский застыл на пороге в домашнем халате, уставившись сначала на хозяина, а потом на Ольгу.

— Вы время видели, Ольга Павловна? С чем пожаловали? — в голосе его сквозило почти что разочарование.

Но Ольга не обратила на это никакого внимания. Все ее мысли устремились к веточкам красного шрама, игриво выглядывающим из-под халата. Она вытащила бумагу из внутренних карманов и, зажавши ее между пальцев, легонько махнула листами прямо у Евгения перед носом.

— Пойдите прочь, — буркнул он хозяину гостиницы и, схватив Ольгу за руку, затащил в комнату, захлопнув дверь.

Шаги за дверью удалялись, пока вовсе не стихли. Огнинский хотел схватить документы свободной рукой, но Ольга

неожиданно разжала пальцы, и листы, шурша, посыпались на пол. Запястье ее Евгений так и не отпустил, лишь свел в недоумении брови. И только открыл было рот, чтобы что-то сказать, как Ольга накинулась на него в яростном поцелуе.

Глава 4

Солнышко заигрывало лучами, шаловливо проскальзывая сквозь изумрудную молодую листву, и хаотичными пятнами грело кожу. Юноша потер руки. Холодно. В апреле пробирает даже на солнце. Тиша сидел подле семейного склепа Вересовых на Смоленском кладбище. Вечером, отыскав наконец особняк старика, он узнал, что тот несколько дней назад помер, а потом неожиданно оказался здесь, на ступеньках склепа, сам не понимая зачем. Ему захотелось посмотреть на мертвых людей, но на кладбище повсюду ютились лишь земляные бугры, кресты да каменные усыпальницы. Все мертвецы тихо спали под землей.

Из храма доносился сладковатый запах. Такой же, как от «тех», в длинных черных робах, приходивших в избу по просьбам женщины, что отчаянно именовала себя его матерью. Но ее Тихон погиб. Тиша потер шрам на виске. Он точно знал, что погиб.

Вытащив из кармана бумажный пакет, он вгрызся в засохшую трехдневную пышку и все думал о том Подвале, куда привел его незнакомец и напоил чаем. О людях в нем, «отмеченных» плохими делами и сносивших страдания, которых и не понимали вовсе.

Тиша не жалел их, нет, ему просто становилось обидно

от несправедливости непознанного урока. Они нарекли «зо-
вом» и пытались пережить силу «предсмертного слова», точно это была какая-то болезнь. Да даже пусть и болезнь, но не пытались они понять ее. Дальше носа своего не видели, точнее, не слышали, и оттого не ведали, что надобно делать. А ведь в книге их самой любимой, которую звавшая себя матерью читала ему, так и написано: «в начале было слово».

А еще говорила она, что в городе люди злые, обмануть хотят да забрать последнее. И Тиша с ней соглашался. Правда, думал, что дело вовсе не в городе. Просто все люди злые. Но, оказавшись в Петербурге, засомневался в этом.

Многие из встречавшихся ему на пути отчего-то помогали. Кто дорогу подскажет, кто едой угостит, а барышня в пышных платьях подошла и чуть ли не со слезами на глазах вручила монету. Мужчина в глупой шляпе, узнав, что негде остановиться, проводил к доходному дому и лично обговорил с хозяином про угол и койку на чердаке. Маленькую, грязную, и потому после перед Тишей извинялся, мол, «негоже молодым людям в клоповниках ютиться, но за средства вами озвученные приличнее ничего не подобрать, вы как на работу найметесь, сыщите меня на Большом проспекте Петроградской стороны, я вам апартаменты понадежнее сосватаю». И Тиша отдал ему монету от барышни в пышных платьях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.